

A photograph of a park in autumn. The foreground is covered in a thick layer of fallen yellow and orange leaves. A paved path leads towards a row of three wooden benches with black metal frames. In the background, there are trees with yellowing leaves and a few black lampposts. The sky is overcast and grey.

ВЛАДИМИР НЕВСКИЙ

**ЖИЗНЬ
ПРЕКРАСНА!**

Владимир Невский

Жизнь прекрасна!

«Издательские решения»

Невский В.

Жизнь прекрасна! / В. Невский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835509-7

Прозу Владимира Невского можно отнести к бытовым рассказам, которые еще называют «бытовыми зарисовками». Своеобразие его произведений — в легком и доступном языке повествования, где нет заумных философствований, сложных логических доктрин, наоборот — все здесь будто бы просто — от описания событий, протекающих в обстановке обычной действительности.

ISBN 978-5-44-835509-7

© Невский В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Бокал с вином и ядом	7
Десять лет спустя	11
Она не гордой красотою...	14
Ночь под дождём	19
Четыре часа в пути	24
Чужая женщина	29
Трудные дни	35
Жизнь прекрасна!	42
Свеча на ветру	48
Каждому своё	54
Каникулы	59
Два брака	64
След дождя	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Жизнь прекрасна!

Владимир Невский

© Владимир Невский, 2017

ISBN 978-5-4483-5509-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Старый городской парк. Северо-западный сектор. На славу время постаралось, ежеминутно вносит новые штрихи, меняя антураж. Меняется всё.

Кроны деревьев уже подпирают небо, не пропускают ласковые лучи дневного светила. Потому и царят тут полумрак и прохлада. Под ногами мягкий ковер из прошлогодней листвы. Идешь и утопаешь в нем, наслаждаясь добродушным шорохом. Асфальт на аллеях уже давно потрескался, в выемках не просыхают лужи. Сквозь трещины пробивается трава, и можно только позавидовать ее желанию жить. Вкопанные по пояс когда-то кирпичи, служившие бордюром, давно раскрошился. На газонах – пучками разросся сорняк. Вот кому благоприятная среда для роста и цветения.

Скамейки тоже постарели. Только можно догадываться какой масляной краской они когда-то блистали. Былая красота осталась лишь местами, порядком потускневшая. Но зато свято хранят они следы рукотворных признаний, выцарапанных в порыве душевного экстаза. Примеры на сложение, где в сумме – любовь. И ведь за каждым признанием своя история, свой сюжет, своя развязка. Судьбы человеческие.

Я закрываю глаза. Я погружаюсь в себя. Я начинаю слышать голоса. В шорохе опавшей листвы. В перешептывании крон. В легком дуновении ветерка. Это парк делиться со мной историями, свидетелем которых он стал. И сколько их! Радужных и печальных, светлых и грустных, счастливых и... увы! Жизнь, она непредсказуема. Она наполненная неожиданностями и сюрпризами.

Она ставит порой перед нами очень сложные задачи, а порой она, до наивности, проста.

Она насыщена мелочами, она страшит пустотой.

Она непостижима и одновременно проста.

Одним афоризмом: жизнь – это такое явление, которое ты даже не можешь объяснить правильными словами.

И потому она так прекрасна!

Бокал с вином и ядом

Самолёт шёл на посадку. Моему взору открылся завораживающий вид: ночь накинула на город вуаль, сквозь которую были видны миллионы разноцветных огней. Уже много лет живу в городе, но никак не могу налюбоваться этим зрелищем. Когда повседневная суэта и забота загоняют в тупик, мешая жить и радоваться каждому мгновению, я сажусь у окна с чашкой крепкого кофе и пачкой сигарет и смотрю на ночной город. Проходят минуты, и чувствую я, как уходит снимаемая невидимой рукою боль. Как растёт где-то внутри уверенность в себе и в наступающем дне. Как захватывает тебя неведомое чувство и тянет петь и танцевать, рисовать и писать, или просто задуматься о жизни, анализируя прошедшее и заглядывая на будущее.

В свои тридцать лет я достиг многого. Я из тех, кого называют «новыми русскими». Престижная работа, «иномарка», квартира, где хватило место антикварной мебели и современной, по последним технологиям, бытовой технике. Большие связи, солидный банковский счёт. Одним словом, полная чаша. Жизнь, а не пародия на неё! Но был бы не полным этот винегрет без неё. Оля, Олечка, Ольга! Что всё это стоит без тебя? Ничего!

Она сидит передо мной на другом конце ресторанного столика. Смотрю на неё и с трудом узнаю прежнюю весёлую и беззаботную девчонку. За месяц нашей разлуки она сильно изменилась. Даже заметно похудела, хотя это её несколько не портило. А новая причёска и косметика только ярче подчёркивали её красоту. Неужели она так сильно переживала разлуку со мной? О, Боже, конечно же, нет! Я приехал, я снова рядом, а её глаза остаются такими же грустными и опустошенными.

Ещё утром, когда я ей позвонил, по неуверенным ответам можно было догадаться, что что-то случилось.

– Что случилось, Оля?

Она вздрогнула и как-то вся съежилась, словно ждала этого вопроса. Боялась, но ждала. Быстро взяла себя в руки и ответила тихим, но уверенным голосом:

– Я встретила другого, – и опустила глаза.

– Это серьёзно?

– Да.

Повисла тишина, нудная и противная. Куда-то уходит звук оркестра, говор за соседними столиками. Я слышу только стук своего сердца. Чувствую, как в жилах бьётся кровь. Нет, нет! Нет, я не хочу верить в это! Не хочу! Где же официант? Мне необходимо выпить.

А Оля ждёт моего ответа. Но что я могу ей сказать? Я никогда не отличался красноречием, мне всегда не хватало слов выразить свою радость, свою боль. Нет, боли сейчас не чувствую, её нет. Она придёт потом, через неделю-две, когда придётся привыкать к мысли, что её рядом нет. Ей, наверное, нелегко от моего упорного молчания. Было бы гораздо легче, если я сейчас встану, опрокинув стул, изменюсь в лице, может, даже буду кричать и уйду с высоко поднятой головой. Но не уйду. Хочу хотя бы ещё один вечер побыть рядом с ней, с Олей. Но, увы, уже не моей Олей. Смотрю, не отрывая глаз, словно хочу запечатлеть её такой. Заглядываю в глаза: в них боль и жалость, усталость и любовь. Как же могло случиться, что эти удивительного цвета глаза, эти чувствительные, тонкие губы стали чужими и далёкими? Мне уже никогда не почувствовать их пьянящий, обжигающий вкус, никогда не согреть дыханием её руки. И родинку на её шее уже не целовать. А ведь ей это очень нравилось. Замечаю на шее цепочку с кулончиком, новую, мне не знакомую. Наверное, подарок от него. Во мне вдруг закипела ревность и ненависть к незнакомцу, который украл у меня Олечку. Если бы он был здесь!!!

Ну, где же официант? В горле – сушь, как в пустыне Египта. Боже, зачем я поехал в этот круиз? Зачем? Хм, захотелось посмотреть далёкие страны? Вот и посмотрел!

Развлекался и не знал, что теряю её. Надо было её взять с собой. Но обстоятельства... Почему обстоятельства не подвластны человеку. Почему?

Совсем забыл, ведь я купил ей французские духи. Ставлю на стол между пустыми бокалами оригинальный флакон.

– Это тебе, – не узнаю своего голоса, тихий и хриплый, – последний писк моды.

– Спасибо. – Оля даже не подняла глаза. Этот флакон духов был просто спасением: нашлось занятие для рук и глаз.

– Как его зовут?

– Володя.

– А он молоденький, зовут Володенькой, – пропел я и усмехнулся.

Ведь я старше её на десять лет. До сегодняшнего дня я не замечал этой разницы. Только сейчас понял, что «возраст не помеха» – просто слова. Мы – люди разного времени, разных эпох. Меня уже настигла осень. Она ещё живёт весной. А жизнь идёт, и всё меняется: моды, нравы, мировоззрение. Сначала ей было хорошо, наверное, в диковинку, а сейчас пришла пора зрелости. Десять лет, как не крути, их не выкинуть, не сократить. Старик я. Для неё старик.

– Где вы познакомились?

– Это вопрос? – голос её дрогнул.

– Я хочу всё знать.

Оля ничего не ответила, вновь стала рассматривать коробочку духов.

– Ты же обещала мне.

– Не надо.

– Говорила про любовь.

– Не надо.

– А помнишь.....

– Не надо, Николай, прошу тебя, не надо. – Она смотрит мне прямо в глаза. И я вижу, в уголках её глаз блестят слезинки. Ещё мгновение, и она заплачет.

Какой же я дурак. Зачем довёл её до слёз? К чему воспоминания, что могут дать они? Только лишнюю боль. Оля сама не рада. Видно же, как ей тяжело, она ругает себя, может, проклинает. Но изменить ничего нельзя. Всё ушло, всё сгорело. Зачем же мучить её? Может, мне стоит уйти? Нет, не сейчас. Надо успокоиться и успокоить Олечку.

– Прости меня, – уже спокойным голосом говорит она, вновь не пряча глаз.

Я смотрю на своё отражение в них и мысленно произношу, как заклинание: «Не уходи, не уходи». Как гипнотизёр, пытаюсь подчинить её своей воле. Боже мой, как она хороша!

– Прости, – совсем тихо, почти не раскрывая рта, повторяет она.

– Это ты меня прост... За грубость.

И вновь повисла тишина. Мы молчим. Бегут минуты, и с каждой из них она всё дальше и дальше от меня. Ну, скажи что-нибудь, не молчи. Скажи, как мне дальше жить? Без тебя. Я так привык, что ты со мною, и не могу представить другой жизни. Я не смогу жить иначе. Не смогу, да и не хочу. Что же дальше?

– Что же дальше? – сам не замечаю, что говорю это вслух.

Оля вновь вздрогнула:

– Мы уедем в деревню.

«Мы». Теперь в это понятие я не вхожу. Мы – это Оля и Володя. Володя. Не Вова, не Владимир, а именно Володя. Месяц назад ещё всё было по-другому.

– Зачем? Я не собираюсь тебе мешать. Просто мне будет легче от мысли, что ты где-то рядом. В этом городе.

Она покачала головой. Взглядом спрашиваю: «Не вернёшься?». Оля так же безмолвно отвечает: «Нет». Молчание. Мы раньше с ней часто молчали. Прижмёмся друг к другу и молчим, молчим. Мы любили, мы наслаждались этой любовью, и слова, простые, затёртые временем слова нам были ни к чему. Теперь, как никогда раньше, я нуждался в собеседнике. Лишь бы кто-нибудь да что угодно говорил, отвлекая меня от пустоты, которая неожиданно охватила меня. Оля поняла моё состояние.

– Как прошла поездка?

– Нормально, – обманываю я.

Круиз удался. Всё было великолепно: белый теплоход, синее море, хорошие попутчики, красивые женщины. Красивые женщины.... Разве кто может сравниться с Олей? Она самая-самая....

– А ты изменилась, Оля. Вроде бы стала ещё красивее

Лёгкая, едва заметная улыбка коснулась её губ.

– Не вини себя. Всё правильно, – хотелось добавить ещё что-нибудь хорошее и приятное, но, как назло, на ум ничего не шло, и я добавил просто: – Судьба значит.

– Ты не сердишься на меня? – вдруг спросила она.

Господи, она ещё совсем ребёнок. Только в свои девятнадцать лет она может задать такой наивный вопрос. Не сердишься? Конечно, сержусь. Только не на тебя. На себя, на судьбу, на ту случайную встречу, которая свела нас.

– Нет. Всё хорошо. Успокойся, – я протягиваю руку и слегка сжимаю её ладонь, давая понять, что это не просто слова.

– Спасибо.

За что меня благодарить? Я держусь из последних сил. Не уходи, слышишь, не уходи. Ты нужна мне, нужна.

Да где этот официант? Чёрт его побери! Обещал устроить всё быстро, а столько времени пролетело. Вот возьму сейчас и закачу им небольшой скандалчик с парой перевёрнутых столиков и горой разбитой посуды. Да, Олечка, я всё-таки очень сердитый. Но ты не бойся, всё будет Окау. Окау. Нет, никогда так не будет. Всё пошло кувырком. Вся жизнь. Мне кажется, что я не смогу найти на земле такого уголка, где бы смог забыть о тебе. Нет, Оляга, не смогу. Я люблю тебя, люблю.

Я закрипел зубами. Оля оторвала взгляд от коробки и смотрела на меня долго-долго.

– Я ничем не могу помочь тебе?

Меня словно взорвало. Я схватил её за руку.

– Можешь, – говорю горячо и громко, – останься со мной.

– Отпусти, мне больно.

– Мы всё начнём сначала.

– Не надо, Коля.

– Я люблю тебя, Оля. Зачем мне эта жизнь без тебя? – я задыхался от гнева и беспомощности.

Крупные янтарные слезинки медленно скатились из-под опущенных ресниц, оставляя серый след косметики на её щеках. Одна из слезинок громко плюхнулась в пустой бокал. Среди внезапно наступившей тишины этот звук прозвучал зловеще. Это словно отрезвило меня. Я схватился за голову и склонился над столом. Всё-таки не сдержался и довёл её до слёз. Никогда раньше, не знаю почему, я не говорил ей, что люблю. И вот признался. Но это уже ничего не меняет. Где же я раньше был? Мне казалось, что она всегда будет рядом, и вся жизнь впереди. Всё откладывал. Я привык к победам и не знал вкуса поражения. Вот это первая потеря. Но какая! Как можно смириться с такой?

– Ты думаешь, мне легко? – долетел до меня её голос. – Я готовилась к этой встрече неделю. Не спала ночами. Устала. А ты...

– Прости меня. Больше это не повторится. Только не уходи. Поужинай со мной. В последний раз. Если, конечно, нам его сегодня принесут.

– Извини, но мне надо идти, – она встала.

– А ужин?

– Я не могу. До свидания.

– Прощай.

Я старался не смотреть ей вслед, чтобы потом в кошмарных снах не видеть её уходящей. Вот и всё. Поставлена последняя точка в повести нашей любви. Плохая повесть, грустная. Мне больше нравится читать сказки со счастливым концом.

Наконец-то подошёл официант.

– Где вас черти носят? – даже не пытаюсь скрыть раздражение.

– Двадцать минут в пределах нормы, – он был невозмутим.

Двадцать минут!? Целая вечность, а жизнь пронеслась, как мгновение одно. На столике среди закусок и дорогого вина стоял флакон духов. Обиделась всё-таки, не взяла. Я открыл бутылку, собираясь налить себе, но остановился. Взял бокал, где на донышке блестела слезинка, и плеснул туда вина. Пусть все Олины печали и сомнения растворятся, как растворится эта слезинка. Пусть она будет счастливой.

А я? Что я? Эта слезинка для меня всё равно, что капелька яда. Может, это успокоит меня и даст силы забыть.

Допетой оказалась наша песня,
Досказанными стали слова,
Так пусть же мир вновь будет тесным,
Чтоб мог я вновь найти тебя!

1991

Десять лет спустя

Поезд дёрнулся в последний раз и остановился. В вагоны сразу же ворвался привокзальный шум. Пассажиры потянулись к выходу, где их ждала толпа встречающих. Всё смешалось в один миг: чемоданы и цветы, восторженные восклицания и поцелуи, смех и слёзы.

Вячеслав Руднев не спешил. Сквозь пыльное окно он равнодушно смотрел на эту пёструю толпу. Его никто не встречал в родном городе. Он приехал сюда в командировку.

Когда за окном немного поутихло, Руднев словно очнулся. Встал, сказал себе под нос: «Пора». – И вышел на перрон.

Вокзал был новым, незнакомым. Всё меняется. Изменился и сам город. «А ведь прошло всего десять лет», – подумал Руднев, когда таксист резко затормозил около гостиницы «Россия», нахально содрал десятку и скрылся за поворотом. Номер был забронирован, и особых проблем с устройством не было. На завод, куда привели его дела, идти было уже поздно, в гостинице – слишком казённо и тоскливо, и Руднев решил пройтись по местам своего детства и юношества. Его сразу же потянуло в парк, который, как казалось, не тронуло время. Только на старых чугунных скамейках блестела новая краска. А вот и она – их любимая скамейка. Руднев остановился, взял с неё желтые и красные листья и подбросил их в воздух. Они медленно и величаво опустились на асфальтированную дорожку. Он сел и закурил.

Они познакомились здесь, в этом парке тишины и чистоты среди быстро растущего города с его заводами, кислотными дождями и машинами. Тогда он только вернулся из армии и ещё щеголял в форме, с гитарой за спиной. Нина и её подружки сидели на этой лавочке, плели венки из одуванчиков и весело смеялись. Вячеслав и двое его друзей подсели к ним. Разговорились, посмеялись вместе. Руднев играл на гитаре. Все были в восторге, кроме неё. Она подшучивала над ним. В его душе рождалась злость, которую он старался не показывать. И если бы на месте Нины оказалась любая другая девчонка, он бы не сдержался. А на неё он не мог долго обижаться. В ней было что-то необыкновенное. Какая-то неведомая сила. Вячеслав попал во власть этой красивой девчонки по имени Нина.

Руднев очнулся, когда вечерняя прохлада охватила его. Он встал, окинул ещё раз взглядом парк и направился в гостиницу. Какая-то тяжесть ложилась на плечи. Хотя она была всегда, но сегодня удвоилась. Он уснул лишь с помощью снотворного. Ему ничего не снилось, и проснулся он с головной болью. На заводе, к его большому изумлению, все бумаги были подписаны. Хотя он предполагал, что на уговоры и доказательства ему понадобится, как минимум, четыре дня. Впереди было три свободных дня. Можно было вернуться домой, поваляться на диване перед телевизором. Можно остаться здесь, наедине с собой. Вспомнить всё и вновь терзать себя за ошибку. А она была, всего одна, но не даёт покоя все эти годы. И вряд ли когда-нибудь придёт облегчение.

Нина очень любила Лермонтова. Просто грезилась им. Томик его стихотворений всегда лежал у неё на столе. Над кроватью висел портрет поэта. Чтобы сделать ей приятное, Вячеслав выучил несколько его стихов и прочитал их ей. Читал с чувством, словно это он написал и посвящает именно ей. Она слушала его заворожено, с широко открытыми глазами. А когда он признался ей в любви с помощью отрывка из поэмы «Демон», где Демон клялся в любви Тамаре, Нина заплакала. Разве можно об этом забыть? Сейчас Руднев не может спокойно читать Лермонтова. А в голове остались лишь строчки:

«Делить веселье все готовы,

Никто не хочет грусть делить».

Как нельзя лучше сказано о нём самом. Интересно, а любит ли она его сейчас? Вспоминает ли этот вечер признания? Или только тот, роковой, который испортил всю её жизнь?

Оно были счастливы, жаждали новых встреч друг с другом. И каждая их новая встреча была по-своему прекрасна. Любимым их местом для прогулок был этот парк, где они часто мечтали о будущем. Этим мечтам не суждено было исполниться. А тот вечер Руднев не забудет никогда.

Была весна. Днём по асфальту текли бурные, шумные речки, которые по ночам превращались в сплошной лёд. Слава и Нина возвращались с танцев. Они баловались, толкали друг друга и смеялись. Но один раз Нина не удержалась на ногах и упала, громко вскрикнув. Слава испугался, Нина не только не могла встать, но и потеряла сознание. Grimаса боли исказила её прекрасное лицо. Слава поймал такси и отвёз её в больницу. Позвонил её родителям, а сам остался в холле, в ожидании врача. Ходил и молил Бога, чтобы с ней всё было хорошо. Наконец вышел врач.

– Что с ней?

– Травма позвоночника, – после минутного молчания сказал он.

Словно ножом полоснуло по сердцу, мысли стали путаться. Позвоночник? Это значит....

– Она будет ходить?

– Наверяд ли, – врач покачал головой.

Руднев подошёл к справочной. Понадобилось всего пять минут, чтобы узнать её адрес и номер телефона. И вновь он долго бродил по городу в раздумье: стоит ли идти к ней? Что даст ему эта встреча? И что принесёт она Нине? Может, она обо всём забыла и его визит разбудит страшную боль, выбивая из колеи жизни. Забыла? Конечно же, нет. Разве можно такое забыть?

Прошло два дня после того вечера. Вячеслав метался. Что делать? Уйти или остаться? Этот вопрос он задавал себе тысячи раз. Даже по ночам, когда просыпался в холодном поту, его мучил всё тот же вопрос. Он любил её. Но разумом понимал, что прожить всю жизнь с ней будет очень тяжело. Он потерял аппетит. Осунулся. Стал рассеянным. Его дед, с большим жизненным опытом человек, видя, что у внука вот-вот будет нервный срыв, не выдержал и буквально приказал:

– Рассказывай!

Слава рассказал всё. От начала до конца, ничего не скрывая. Рассказал и опустил голову в ожидании приговора.

– Знаешь, Славик, – начал осторожно дед.

– Давай короче.

– Ты должен забыть её, – дед вздохнул. – Есть вещи, которые сильнее любви. Жизнь идёт. И это ты когда-нибудь поймёшь

Руднев остановился около телефонной будки. Немного постоял в раздумье и зашел, снял трубку.

– Алло! – раздался голос, и он сразу узнал его. Мягкий, грудной. Трубка в руках задрожала. Он вспомнил её глаза: большие, голубые, ясные.

А в тот вечер её глаза были затянуты какой-то пеленой. Было видно, что эти ночи она не спала, плакала. Много пережила. Он зашёл к ней в палату с букетом цветов. Нина лежала, смотрела в потолок. Бледная, с потрескавшимися губами.

– Здравствуй, Нина. – Он сел на стул.

– Ты? – она вздрогнула, резко отвернулась, – не смотри на меня. Я прошу, не смотри. Слава встал, отошел к окну и стал смотреть на улицу.

– Ты зачем пришёл?

– Прости меня.

– Ты не виноват. И не приходи больше, – голос был натянутым.

Он боялся, что она сорвётся и заплачет

– Почему?

– Неужели не понимаешь? У нас всё кончено. Всё. Уходи.

– Нина.

– Я устала. Уходи. – Она закрыла глаза.

И он ушёл. Вот уже десять лет они не виделись. Но он постоянно думал о ней. И винил себя за то, что он так больше и ни разу не зашёл, не позвонил.

Он остановился около её дома. Долго смотрел на многоэтажку, стараясь угадать, где её окна. «А ведь я был тогда рад, – мелькнула у него мысль, и сердце облилось кровью. – Рад. Что она меня прогнала. Даже не настаивал, не приходил. Был рад, хотя в этом и не признавался. Сбросил груз со своих плеч».

Вдруг из подъезда вышла она. Нина шла не спеша, с помощью тросточки. Это была она. Всё такая же: с длинными волосами, большими глазами. Такая же стройная и красивая. Она прошла мимо, даже не взглянула в его сторону. Руднев хотел окликнуть её, но что-то его удержало. Он медленно пошёл за ней. А в голове вновь проносились, как в калейдоскопе, картинки, все их вечера. Его первая любовь. И сейчас он вдруг понял, что по-прежнему любит её одну. Только её. Когда Нина свернула в парк, Руднев не выдержал и окликнул её:

– Нина.

Она оглянулась и посмотрела на него.

– Вы ошиблись, – тихо сказала она и пошла дальше.

Но он же видел, как блеснули её глаза, как дрогнули ресницы... Она узнала его! Узнала! Но почему же?...

В эту ночь он вновь не мог уснуть. Он лежал, смотрел в пустоту и думал о своей жизни. У него было всё: дом, работа, семья. Но он знал: если бы Нина его позвала, он бы бросил всё. Он сел на койке, жадно закурил и сказал:

– А ты ошибся, дед. Сильнее любви нет ничего на свете.

1992

Она не гордой красотою...

Сергей скучал. На дворе была самая прекрасная пора – весна. Солнце грело, и деревья постепенно одевались в зелёные сарафаны. Аромат их листьев и первых цветов блуждал по улицам города, пьянил, кружил голову. Настроение у людей было хорошее. Они улыбались друг другу и говорили комплименты.

А Сергей скучал. Он один бродил по городу, наслаждаясь свежим воздухом, и думал, думал ни о чём. Просто перебирал в памяти прожитую жизнь. Все его одноклассники ходили по вечерам всем классом на дискотеки, в кинотеатры, в зоопарк. Все, кроме него. Он не любил шумные компании. Он просто гулял. Ему ни до чего не было дела, тем более до уроков. Какие могут быть уроки в такое прекрасное время года? А ещё придумали задавать задачи на дом. Какие там задачи, когда дома не удержишь? Хочется гулять, вспоминать и мечтать.

«Наверное, детство моё уходит», – с горечью подумал Сергей. Почему-то эти мысли не приводили его в восторг, а ведь в детстве он хотел быстрее вырасти и стать взрослым. Мечтал стать капитаном дальнего плавания, увидеть много стран и чудес. Об этом он однажды заявил на уроке литературы, после полученной двойки за невыученный урок. На что учительница усмехнулась: «Не хочу учиться, а хочу жениться».

«И причём здесь женитьба», – вновь подумал Сергей. Он вообще не думал об этом никогда. Все девчонки в его классе были пустосмешками, ветреными. Он думал, что женится тогда, когда встретит настоящую девушку, чтобы она была не только предметом любви, но и другом, с которым можно поделиться и радостью, и огорчением. Но пока он таких не встречал.

Никто не знал, что он не дружил ещё ни с одной девчонкой. В классе его считали бы «тряпкой». Все его одноклассники помешались на любви: писали друг другу, звонили, переглядывались, шептались. Девчонки смотрели на пацанов с любопытством, а те – с нежностью. Это отвлекало от учёбы, но только не Сергея. Он и без этого был твёрдым троечником. «Ни то, ни сё, ни рыба, ни мясо» – охарактеризовала его мать. Но он не обижался.

Наступил вечер, и становилось прохладно. Сергей возвращался домой. Проходя мимо телефонной будки, вдруг решил, как в детстве, позвонить кому-нибудь, сказать что-нибудь такое, чтобы потом можно было посмеяться. Сергей снял трубку, бросил монетку и набрал простой номер 22—33—44. Раздались гудки, только после третьего сняли трубку.

– Алло, алло, я слушаю вас, – раздался тихий и нежный голосочек.

– Здравствуй, – не зная почему, сказал Сергей.

– Здравствуй, – послышался ответ, – это ты, Коля?

– Да, я! – Сергей решил играть до конца.

– Почему ты так долго не звонил? Я уже думала, что ты забыл меня. И не приходишь совсем, – у девушки был приятный грудной голос. Говорила она тихо и медленно. Голос, словно воздух, заполнял его тело и душу, начала слегка кружиться голова.

– Некогда, – хрипло ответил Сергей.

– Опять тренировки? И какие успехи?

– Да так, неплохие. А у тебя?

– Врачи опять запретили ходить в школу, опять болят ноги. Снова хожу на костылях, приходится учиться дома.

Сергею стало жалко девчонку, которая всё время проводит дома и видит весну лишь в окно. И какой-то Коля не звонит и не приходит.

– Всё будет нормально, – прошептал он.

– Да, я тоже верю в это.

Сергей молчал, не зная, о чём ещё говорить. Девушка снова сказала:

– Хочешь, я прочитаю твоё любимое стихотворение?

– Какое? – спросил Сергей и осёкся: если он играл Колю, то должен знать, какой стих ему нравится. Но девушка это пропустила мимо ушей.

– Лермонтова «Она не гордой красотою...»

– Хочу.

Девушка стала читать. Сергей не вникал в смысл слов. Он просто слушал её голос и наслаждался им. Когда она замолчала, он сказал:

– Спасибо. Ты хорошо читаешь.

– Ты тоже. Прочти.

Сергей растерялся. Он не знал не только это стихотворение, но и вообще ни одного.

– Извини. Мне некогда.

– Ладно. Ты звони.

– Позвоню. До свидания, – и он повесил трубку.

«Неужели она не догадалась, что я не Коля? А мне надо было сразу же признаться ей. Выходит, я её обманул, а она будет надеяться и ждать. Могу ли я обмануть её ожидания?» – он шёл домой, а в голове путались мысли. И никак не мог он отогнать мысли об этой далёкой незнакомой девчонке.

Мать заметила его угрюмый вид.

– У тебя что-нибудь случилось?

– Мам, можно ли обманывать человека ради его же счастья? – спросил вдруг Сергей, удивляясь сам своему вопросу.

Мать удивлённо посмотрела на него, но ничего не ответила. А Сергея впервые в жизни мучила бессонница. В школу он пришёл рано (что до этого не замечалось) и сразу же зашёл в школьную библиотеку.

– Здравствуйте, – сказал Сергей и попросил, – мне надо стихи Лермонтова.

– Пожалуйста, – библиотекарь подошла к книжным полкам, пробежала глазами по коркам книг и достала томик Лермонтова.

Сергей помнил только первые две строчки, и ему пришлось перелистать всю книгу. Уроки пролетели быстро, и за это время Сергей выучил стихотворение. Он сам не понимал, как это ему быстро и легко удалось. Может, стих был не сложным, а может, желание слишком большим. И когда он возвращался домой, то на ходу повторял его. Дома он встал перед зеркалом и несколько раз прочитал его вслух. Получалось у него вроде бы неплохо. В комнату заглянула мать:

– Учишь стихи?

– Да.

– Задавали?

– Нет. Я сам. Просто решил выучить, – краснея, ответил Сергей.

Мать, как и накануне, странно посмотрела на него и молча закрыла дверь. Сергей ходил по комнате, не зная, что делать. Потом сел, выучил уроки и снова посмотрел на часы. Было ещё слишком рано. Он ждал вечера, чтобы позвонить ей и признаться во всём.

«Так зачем же я учил стих?» – вдруг спросил он себя и тут же ответил: «Просто так».

Он снова долго бродил по улицам города, пока опять не очутился около той самой телефонной будки. Сергей снова, против своей воли, набрал легко запоминающийся номер. Она сразу же взяла трубку, словно ждала и знала, что он позвонит.

– Привет.

– Привет, – ответила она всё так же тихо и нежно. И от этого простого «привет» сразу стало легко на душе.

- Как у тебя с ногами?
- Всё так же. Как у тебя тренировки?
- Нормально. – Он немножко помолчал. – Хочешь, я прочитаю стихи?
- Конечно, хочу.

Он почувствовал, как девушка обрадовалась, и тогда он начал читать. Только сейчас он понял смысл, всю глубину и тайну слов. Перед глазами стояла девушка «не с гордой красотой», с большими грустными глазами. Прочитал он их с большим воодушевлением, они немного помолчали.

- Хорошие стихи, правда, Коля?

– Да. Отличные. – Он не знал, о чём ещё говорить, и поэтому молчал. Но девушка спасла положение.

– Мне вчера купили кассету, но она оказалась порванной. Ты бы зашёл, заклеил, – попросила она. Сергей не мог отказать ей.

- Хорошо, я приду как-нибудь.

- Конечно, ты же рыцарь. Ты – единственный рыцарь, который не вымер.

– Они не вымерли, а просто уснули. В них сейчас нет необходимости. Девушки способны сами защитить себя.

- Может, ты и прав.

Сергей на миг представил себя в доспехах, на белом горячем коне, а рядом её – красивую и милую. А он обманывал её. Сергей уже собрался признаться в обмане, но не успел, девушка вдруг вскрикнула:

- У тебя же тренировка начинается. А я тебя задерживаю, – виновато сказала она.

- Ничего, – с грустью прошептал Сергей. – Я ещё позвоню. До свидания.

- Звони. Я буду ждать, – она положила трубку.

Сергей и не заметил, как пролетело время. На улице было уже темно, и без шапки холодно.

Мать его встретила вопросом:

- Где ты ходишь?

– Гулял, – хмуро ответил Сергей и, подумав, что этого будет мало, добавил. – Мне надо было позвонить другу.

- Позвонить? – удивилась она. – Тебе домашнего телефона мало?

Сергей как-то не подумал об этом. Но тут же нашёл ответ:

– Я звонил с телеграфа. – Он пошел в свою комнату, захватив с собою «Справочник телефонов». Он долго сидел над книгой, пока не наткнулся на знакомый номер.

– С. П. Гаврилов, улица Октября, дом 17, квартира 5, – прошептал он, – это же недалеко, совсем рядом. А я шёл мимо этого дома в парк, чтобы позвонить ей.

«Надо бы сходить, заклеить. Ну, как я пойду? Что буду говорить? Как посмотрю ей в глаза? Всё! Хватит! Больше не следует ей звонить!»

Он разделся и лёг спать, стараясь не думать ни о чём. Он ещё не догадывался, что эта незнакомка запала в его душу, что она будет звать его куда-то в неизвестность.

Возвращаясь из школы, Сергей сделал небольшой крюк, чтобы пройти по улице Октября. Около дома №17 он остановился и окинул его взглядом. Вот где-то здесь живёт его прекрасная дама. Он очнулся тогда, когда дверь её квартиры уже открылась. Перед ним стояла высокая, красивая женщина.

- Вы к Вике? – спросила она.

- Да.

- Проходите.

Сергей зашёл, снял пальто, ботинки

– Проходите, – повторила женщина, – она в своей комнате.

Сергей без труда догадался, где комната Вики, – оттуда раздавалась музыка. С замирающим сердцем он зашёл и увидел её. Это была девушка среднего роста, аккуратная, симпатичная, с большими глазами, в глубине которых струился далёкий, призрачный свет.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, – Вика внимательно и чуть-чуть удивленно смотрела на него. – Тебя прислал Коля?

– Да. – Облегчённо ответил Сергей, – он говорил про кассету.

– А он опять занят? – в голосе слышалась грусть.

– Да, – Сергей опустил глаза.

– Садись.

Он сел, она принесла кассету, клей, отвёртку и села рядом. В комнату заглянула мать.

– Виктория, я ухожу на работу, а ты не забудь напоить гостя чаем с пончиками.

– Хорошо.

Сергей чувствовал её взгляд, и ему было не по себе. Руки почему-то дрожали. Наконец-то кассета была в порядке.

– Пошли пить чай. Тебя как зовут?

– Сергей. Спасибо, я не хочу.

– Пошли, пошли. Мама очень вкусно готовит пончики.

Пончики были превосходными. Сергей справился с волнением, вернулся в свою колею. Они сидели вдвоём. Смеялись. Сергей рассказывал о своих детских похождениях (у шалунов их предостаточно) и о школьных делах. Ему нравился её смех, искренний и звонкий. Дольше задерживаться было неудобно, пора было прощаться. И опять вместо того, чтобы признаться ей, он просто сказал «До свидания» и на короткое время задержал её маленькую тёплую ладонь. А вечером он снова побежал в парк, к знакомой будке. Почему-то только из неё ему хотелось звонить ей.

– Это ты, Коля?

– Я. Тебе починили кассету?

– Да, спасибо. Как у тебя дела?

– Нормально.

– Ты не забыл, какое завтра число?

– Пятое. А что?

– У меня ведь день рождения. Ты придёшь?

– Не знаю, – растерянно ответил Сергей.

– Приходи, обязательно приходи. Я буду ждать тебя, – в её голосе была такая мольба, что он не мог отказать.

– Я приду.

Он не спеша возвращался домой. Всё, всё кончено. Больше нет смысла играть и притворяться. Конечно, он завтра пойдёт к ней. Подарит ей подарок и скажет: «Извини, это был я». И это будет финалом. Сергей тихо зашёл домой и пока раздевался в прихожей, услышал разговор родителей

– Ты заметил, что наш сын в последнее время какой-то странный? – это говорила мать.

– Да, заметил. Он влюблён.

– Влюблён?

– Узнаю в нём себя. Я тоже был таким, когда впервые увидел тебя. Помнишь?

Сергей не стал слушать их воспоминания, а незамеченный проскользнул в свою комнату и бросился на кровать

«Влюбился? – стучало где-то в висках. – Так вот, значит, какая она, любовь». Но радости от этого было мало, хотелось кричать и плакать.

После уроков он зашёл в магазин. У него было немного денег, и он решил купить в подарок духи и искусственные цветы. Он уже выбрал цветы и стал читать название духов, которых на прилавке было огромное количество. Его привлекли одни, в красивой коробочке, с не менее красивым названием «Первая любовь». Правда, денег не хватало, и пришлось цветы положить на место, зато он купил хорошие духи с названием, которое подходило к его состоянию.

Сергей долго не решался позвонить в дверь. Сегодня должно было всё открыться, а ему не хотелось этого. Он предпочёл бы использовать чужое имя, лишь бы слушать её чудотворный голос. Но рано или поздно это должно было случиться.

Она открыла дверь сразу. Сергей даже от неожиданности вздрогнул. Она была в голубом, пышном платье, которое так шло к её голубым глазам. Прекрасная и неповторимая.

– Здравствуй.

– Здравствуй, Сергей.

– Извини меня, Вика, это был я, – тихо и почти неуверенно сказал он.

– Я знаю, – спокойно ответила она. – Заходи. Я ждала тебя.

Сергей натянуто улыбнулся и зашёл в квартиру.

1992

Ночь под дождём

Рита позвонила в обед. Или домашний телефон барахлил, или в городе, на почтамте были большие помехи, но слышимость была просто ужасной.

– Я тебя плохо слышу, – кричала в трубку Людмила Николаевна.

– Я приеду сегодня, в девять часов вечера, – кричала на другом конце провода дочь. – Пусть папка встретит меня.

– Хорошо, хорошо, – только и успела ответить Людмила Николаевна, как связь оборвалась.

Жили они в деревне, которая находилась от трассы в пяти километрах бездорожья. И Рита, учившаяся только на первом курсе института, заранее созванивалась с родителями, чтобы отец встречал её. И только сейчас Людмила Николаевна вспомнила, что муж находится в командировке. «Ничего, – поспешила она успокоить себя. – Сейчас весна, дни длинные, светлые. Придётся дочке пешочком пройтись». Тут с улицы сынок вернулся, чем окончательно перевел материнские думы на свою персону. Он в последнее время стал всё чаще пропадать у соседей. Те только недавно переехали к ним в деревню, да вот слухи впереди бежали и вопили. Неблагополучное семейство, и это ещё слишком мягко сказано. Родители злоупотребляли алкоголем, тут и к ворожее не ходи. На работу устраиваться не торопились, или вообще это в их планы не входило. А их единственный сыночек, несмотря на свои молодые годы, успел побывать в местах не столь отдаленных. Он-то устроился слесарем в мастерские, а по вечерам обустривал новое жилище: что-то там прибавал, пилил, строгал, красил. Вот и от сына пахнуло свежей краской.

– Ты опять был у них? – она перешла сразу в наступление. – Я тебе запрещаю бывать у него. И вообще, я не совсем понимаю, что может связывать тебя и этого тюремщика?

– Он попал туда по судебной ошибке.

– Конечно! Они все так говорят.

– А дети не в ответе за своих родителей, – продолжил сын, не заостряя разговор на первом пункте, – ты сама мне об этом говорила.

– Яблоко от яблони недалеко падает.

– Твои поговорки часто противоречат друг другу.

– Тебе просто ещё рано всё понимать. Жизнь – сложная штука.

– Рита звонила? – Юра перевёл неприятный разговор на другие рельсы.

– Звонила, – Людмила Николаевна и правда быстро переключилась на другую проблему.

– Сегодня приезжает. А отец только к утру обещал. Не знаю теперь, что и делать.

И пока она находилась в раздумьях, Юрка наспех перекусил салатом и вновь выскочил на улицу. И вновь направился к новоявленным соседям. Виктор заканчивал ремонтировать старенький мотоцикл неизвестной модели, потому как был собран из того, что смогли найти.

– Витя, у меня к тебе дело.

– Какое?

– Ты же знаешь мою сестру, Риту?

– Видел пару раз.

– Она сегодня приезжает. Вечерним автобусом, около девяти. Надо бы встретить её на трассе. Мать просила. – Пришлось для полной уверенности пойти на обман.

– Тетя Люда? – Витя удивился. Женщина вообще игнорировала их, а уж если они и встречались случайно, то Виктор всегда сталкивался с холодным, колючим взглядом.

– Да, – Юра по наивности лет, продолжал виртуозно врать, не задумываясь переиграть.

– Ладно, встречу, – Витя тоже не особо вникал в суть разговора. Попросила и попросила, что только не случается в жизни. Положительные повороты тоже имеют право случаться.

К вечеру погода совсем испортилась: подул северный холодный ветер, пригнав жирные и иссиня-чёрные тучи. «Будет дождь. Непременно будет дождь, – подумал Виктор. – Хорошо бы вернуться до дождя. Иначе развезет дорогу, и придётся ожидать ее просушки».

Увы, надежды не оправдались. Не успел он доехать до остановки, как начался проливной дождь. Прямой, без ветра, грозившись затянуться на несколько часов. Витя загнал мотоцикл на остановку, закурил. Прислушался к набирающему силу и мощь дождю. Он старался не пропустить шум автобуса, но рёв стихии мешал сосредоточиться. Земля быстро насытилась влагой, и теперь она собиралась на поверхности, образуя пузырящие лужи и ручейки. Воздух очистился от микрочастиц пыли, стал чистым и освежающим. Время стремительно приближалось к девяти часам. Наконец-то Виктор услышал скрежет тормозов. Не задумываясь, он выскочил в сплошную стену дождя и добежал до автобуса в тот миг, когда из него вышла Маргарита.

– Здравствуй, – сказал он ей, схватил сумку и бросился обратно. И хотя на всё про всё он затратил минимальное количество времени, промок до нитки. Следом под спасительный козырёк остановки забежала девушка, стряхивая дождевики с зонтика. Недоумённо посмотрела на нового соседа, чей внешний вид сейчас желал быть лучшего. Отвернулась, глядя на неутраченный дождь.

«Что он здесь делает? Такое чувство, как будто он ждал именно меня?» – мелькнули мысли, заставляя вновь бросить взгляд на Виктора. Тот старательно выжимал рубашку.

– Ты застрял тут из-за дождя? – хотелось, чтобы он ответил утвердительно.

Но Витя не оправдал её ожидания, ответив спокойно:

– Нет, тебя ждал.

– Меня? – удивиться всё-таки пришлось. – Зачем?

– Твоя мать просила.

– Мама? – Рита окончательно растерялась. Чего-чего, а вот такого она ну никак не ожидала. Тем более от матери. И не знала, что ответить. «Это уж слишком. Как она только на это решилась? Лучше ничего не могла придумать? Глупо и смешно. А ещё и страшно»

Она снова стала наблюдать за дождиком и даже не услышала, как Виктор подошел и встал рядом.

– Надолго затянулся, – сказал он, чем заставил Риту вздрогнуть от неожиданности. Она резко повернулась, и их взгляды пересеклись.

– Жалеешь, что приехал?

– Да нет, – он пожал плечами. – Я вообще-то люблю грозу. Смотри, какая сила! Какое величие! Как грозен гром, и как горда молния! Сколько в этом торжества и свободы! Дух захватывает. Природа словно показывает человеку, кто истинный хозяин на планете Земля.

– А я не люблю, – тихо ответила Рита. Её боевой настрой как-то испарился. – Я боюсь грозы.

– Значит, ты предпочитаешь тихое, спокойное, равномерное течение жизни?

Вопрос вновь вернул девушку в первоначальное душевное состояние. Смесь тревоги и озлобленности.

– А ты наверняка предпочитаешь шумную жизнь? Вино, танцы, драки? Воровство?

Последнее слово вылетело необдуманно, но всё же вырвалось. Витя едва заметно вздрогнул, тень пробежала по лицу, погасив огоньки в глазах. Он вернулся к мотоциклу, натянул влажную рубашку, закурил. Молчал, а потом хотел что-то ответить, но Рита опередила:

– Только не говори ничего в своё оправдание. Я в этом не нуждаюсь. Мне это не интересно.

Они достаточно долгое время молчали, и лишь шум непрекращающегося дождя нарушал тишину.

Витя не вытерпел первым, подошел к выходу, встал рядом. Молча, протянул сигареты:

– Угощайся.

– Я не курю.

– Зачем казаться лучше, чем ты есть на самом деле. Тут нет публики. – Он усмехнулся. Не по-доброму как-то усмехнулся.

– А ты злой. – Чувство самосохранения полностью отсутствовал у Риты в этот вечер.

– Да, я злой! – тон лишь подчёркивал сказанное. – Все тюремщики ужасно злые! Им просто не терпится что-нибудь натворить и вернуться за решётку.

Гримаса исказила его лицо, он отошел и пнул в сердцах по колесу мотоцикла. И только сейчас, когда холодок пробежал по спине, она поняла, что ведёт себя вызывающе, и где-то даже рискованно. Но прислушавшись к себе, она вдруг осознала, что это не страх. И вообще, Витя же не какой-то там рецидивист, он не может вызывать чувства страха и опасения. Даже как-то наоборот, ничего кроме жалости и сочувствия. Вспомнились рассказы отца о том, что все в мастерских насмеваются над Виктором, намекают на его прошлое, и даже открыто издеваются. Он же в ответ предпочитает промолчать и скрыться с глаз. Переживает в одиночестве. Рита подошла, достала из пачки сигаретку, но так и не прикурила.

– У тебя есть друзья?

– Нет. Зачем?

– То есть? – удивилась Рита. – Друзья помогут в трудную минуту.

Он долгим взглядом взгляделся в ее глаза и тихо пояснил:

– Иногда друзья просят от тебя слишком большие жертвы, которые потом ими же быстро забываются. Так что с некоторых пор я предпочитаю в трудные минуты обходиться своими силами. – Он встал с мотоцикла и прошелся из угла в угол. – И вообще, я разочаровался в людях. Это злые и жестокие звери. Я ненавижу мир, в котором мне приходится выживать. И чувствую, что силы мои на исходе, и жить как-то уже не хочется. Надоело, всё надоело.

– Да ты что? Разве так можно? Вся жизнь еще впереди. А с такими мыслями и настроением – только мучение.

– Вот я и мучаюсь. Живу и ненавижу.

– Ты просто ожесточился из-за прошлого. Может, тебе следует уехать куда-нибудь, сменить обстановку. Туда, где прошлое не станет доставать тебя.

– От себя не убежишь. А от людей тем более. Ты ничего не знаешь.

Последние слова задела Маргариту. Уж больно Виктор выставляет себя знатоком жизни и его обитателей. Зло вновь начинало закипать в ней.

– А ты знаешь? Если тебе так плохо, что даже жизнь стала ненавистной, то почему бы тебе не перерезать вены? Молчишь? А я знаю, что такие люди не полезут в петлю. Одними только разговорами будут отравлять существование окружающих, и более ничего. Ты же эгоист, и ужасно боишься костлявую. Вся твоя философия сводится к одному – почему всем должно быть так хорошо, если мне хреново? Непорядок! Надо и другим попортить жизнь! Вот и вся философия. Ты всю жизнь станешь мешать кому-либо.

Она подошла к нему вплотную. Заглянула в глубину глаз его. И где-то там, на самом доньшке, под напущенным слоем безразличия и озлобленности, она прочитала тоску и печаль. А мысли неслись на невероятных скоростях: «Он играет. Он скрывает истинные чувства и мысли. Он раним. Он одинок. В нем кипят невостребованные нежность и тепло.

А как красивы его глаза. Девчонкам на зависть». Казалось, целая вечность пронеслась, пока они смотрели в глаза друг друга.

«Что со мной?» – Рита встряхнула головой и отошла. Спички ломались в руках, которые беспричинно мелко дрожали. Она бросила мимолетный взгляд на Виктора. Тот тоже очнулся от необъяснимого гипнотического состояния, и протирал глаза. Дождь между тем сбавил обороты и пошел на убыль. Зато ночь вошла в свои права. Тёмная беззвёздная ночь. Рита взглянула на часы. До утра еще было далековато. «Мне надо домой. Мне просто необходимо домой. Иначе я сойду с ума». Она наконец-то смогла зажечь спичку и закурила. И голова слегка закружилась, и горячий воздух вызвал приступ кашля. Витя резко подошел к ней, взял сигарету из ее рук и выбросил на улицу. Попав в центр лужи, она зашипела и погасла. Проводив ее взглядом и вздохнув, Рита посмотрела ему в глаза, собираясь произнести очередную тираду недовольства, но промолчала. Демонстративно прикурила новую сигарету и вызывающе посмотрела на него. Виктор вдруг сильно обнял ее за плечи и припал горячими губами к ее влажным чувствительным губам. Риту обдало жаром, она потеряла нить времени и пространства. И лишь когда сигарета, догорев, обожгла её пальцы, она очнулась и вернулась в реальность. Она оттолкнула его и вскрикнула:

– С ума сошел!

Рита выскочила на улицу, быстро-быстро пошла в сторону села. «Дура! Какая я всё-таки дура! – кричала её душа. – Почему я позволила ему сделать это? Где моё благоразумие?».

А меж тем дождь, отдохнув немного, вновь принялся обильно проливать свои слёзы. И Маргарите пришлось вернуться под крышу остановки. Виктор даже не обернулся.

– Никогда. Слышишь, никогда больше не подходи ко мне.

– Прости, – тихо ответил он, так и не обернувшись.

И вновь они молчали, и только шум дождя нарушал тишину. Но вскоре послышался шум мотора, и спустя некоторое время около остановки остановилась грузовая машина. Хлопнула дверка, и на пороге появился мужчина.

– Папка! – обрадовалась Рита.

– Еле проехал. Дорогу развезло. – Он даже не взглянул на Виктора. Взял сумку, и они с Ритой ушли. Оказавшись в кабине, Рита почувствовала озноб и от холода, и от переживания. Развернувшись, они проехали мимо здания остановки. Рита не удержалась и посмотрела. Виктор стоял на пороге, скрестив руки на груди, и проводил машину взглядом. В темноте трудно было что-либо прочитать в этом взгляде.

Новый день застал Виктора в дороге. Ехать по раскисшей дороге не предоставляло возможности, и ему пришлось толкать мотоцикл. Дело было трудным, отнимающим много сил. Приходилось часто останавливаться, чтобы отдышаться и привести дыхание в порядок. Это ему легко удавалось, чего нельзя было сказать о мыслях. Как он не старался думать на отвлеченные темы, у него не получалось. Всё равно мыслительная деятельность приводила его к Маргарите. «Классная девчонка. Симпатичная. С характером. Умная. Разобралась в моих проблемах и дала дельный совет. Может, и правда мне следует сменить обстановку. Уехать туда, где никто не знает о моём тёмном прошлом. Подружиться с кем-нибудь и попробовать начать жизнь с чистого листа.

А Рита? А что, Рита? Мне так хочется иногда встречаться с ней. Или хотя бы от Юры узнавать о ней последние новости. Надо остаться. И не только ради неё. Надо остаться и доказать всем, что я – не пропащая личность. И Рите, и её родителям, и на работе. Всем».

Вдруг он увидел в однообразной грязной картине, что наблюдал перед собою, красные резиновые сапожки. Он медленно поднимал глаза: джинсы, куртка, белый шарфик. Мар-

гарита! Она стояла посередине дороги, в двух километрах от деревни, и просто смотрела на него.

– Ты, наверное, замёрз. Я принесла тебе куртку, – сказала она.

– Спасибо. – Витя взял куртку, надел, по-прежнему не отрывая взгляда от неё. Не веря, что это реальность. И тут она улыбнулась. В первый раз она ему улыбнулась. И эта улыбка была самой прекрасной, самой красивой, самой очаровательной на свете. Он с небольшой долей неуверенности улыбнулся ей в ответ.

1992

Четыре часа в пути

Наконец-то контролёр проверил билеты, дверка «Икаруса» мягко захлопнулась, и автобус тронулся. За окнами поплыл город с его высотками, редкой зеленью и горячим асфальтом. Поскорей бы вырваться из этого шумного и пыльного мегаполиса. Быстрей бы туда, где чистый воздух, нетронутая природа, голубая гладь озёр и рек. Вырваться на чёрную ленту автострады, что, извиваясь змейкой, манит куда-то в светлые дали.

Павел горел огромным желанием вырваться в деревню. Там, в забытой богом деревушке, живут родители. И он едет к ним провести отпуск. Время было выбрано очень удачно: рыбалка, ягоды и сенокос. Всё то, что он любил и почему так сильно успел соскучиться. И нежная рябь голубой глади воды, и опьяняющий аромат свежескошенной травы. Он сидел один и смотрел, как слишком долго и навязчиво пробегает за окнами город. Но вот наконец-то автобус вырвался на оперативное пространство, и, прибавив скорость, покатил среди зелёных полей и посадок белоствольных берёз. Павел привёл кресло в полулежащее состояние и закрыл глаза. Старался уснуть, чтобы быстрее пролетели эти четыре часа. Всего-то двести сорок минут отделяли его от встречи с отчим домом и отголосками детства.

На соседнем ряду кресел, за спиной, послышались голоса.

– Мама, я пить хочу.

– Сейчас. Я достану.

Павел замер, напрягся. Он хотел тут же обернуться, но заставил себя не принимать поспешного решения. Этот голос словно вырвался из прошлого и растревожил сердце. Он нажал кнопку, и кресло приняло изначальное положение. Сердце билось, словно от страха. Нет, здесь нет места сомнениям. Это она! Этот сладкий, сочный голос принадлежит ей. Алена, Алёнушка! Сколько же времени пролетело? Шесть лет? Да, шесть долгих лет.

Павел закрыл глаза и попытался заглушить в себе желание обернуться, чтобы вновь утонуть в карих изумительных глазах, окаймленных пушистыми длинными ресницами. Чтобы увидеть её белозубую улыбку и родинку на верхней губе. Чтобы вдохнуть соблазн, которым пахли всегда её кучерявые волосы.

«Если я обернусь, что изменится? Опять потеряется покой. Вновь она начнет приходить в сновидения и внушать несбыточные надежды. И целыми днями думы о ней станут преследовать меня, терзая сердце и изводя душу. Ничего не изменится. Эх, Алёнка, Аленка, почему же мы не вместе?» – мысли понесли его на волнах памяти в шестилетнее прошлое.

Ему было тогда семнадцать лет. Всего семнадцать. Эх, молодость, молодость, горячие головы и пламенные сердца. Время свершений, побед и ошибок, которые, к сожалению, уже не исправить. Познакомились они на вечеринке. Среди множества гостей Паша не обратил сначала на неё никакого внимания. Он был занят одноклассницей Тамарой. Накладывал ей салаты, говорил комплименты, шутил. И мысленно собирался протанцевать с ней весь вечер. Но как только начались танцы, Тамара упорхнула, словно птичка. Паша остался сидеть в одиночестве за столом в обнимку с испортившимся настроением. И вдруг! Вдруг среди толпы танцующих он заметил незнакомую девчонку. Невысокого роста, стройная, очень симпатичная. Он долго наблюдал за ней, ещё не осознавая, что вся его душа уже потянулась к ней. И как оказалась надолго. Заиграла медленная музыка, и Паша выскочил из-за стола, боясь, что кто-нибудь опередит его.

– Вы танцуете?

Девушка вскинула на него глаза, и Паша поплыл. Таких красивых и выразительных глаз и так близко он ещё ни разу не видел. Только на экране телевизора, да в модных женских журналах. Она молчаливо положила руки ему на плечи, и они закружились в танце.

– Вас как зовут?

– Алёна, – ответила машинально, думая о чём-то своём.

– Не Лена? Не Елена? А именно Алёна?

Теперь Алена внимательно посмотрела на партнёра и улыбнулась. Она старалась не улыбнуться, но не сдержалась. Паше так понравилась еще и её улыбка, что он начал рассказывать анекдоты, шутки, прибаутки по любому поводу и без него. И был за это вознаграждён сполна. Алена смеялась в голос, а он наслаждался её чудным смехом.

– А где ты живёшь, Алена? Почему я вас раньше не встречал?

– Там, за речкой.

За речкой находилось соседнее село.

– Я приеду к тебе.

– Нет, – она перестала улыбаться. Стала вмиг серьёзной и деловой. – Не надо.

– Почему?

– Не надо. – Просто повторила она.

И ведь ясно дала понять, что ничего у них не получится, но Пашу, как говорится, уже понесло течением. Он уже ясно представлял себе их будущие встречи, полные взаимности и гармонии. Что было дальше? Да ничего не было!

Алена оказалась неприступной крепостью. У неё был парень, которому она оставалась верна. Все стремления, все знаки внимания, все ухаживания не дали никакого результата. И хотя он уже всё понимал, но поделать с собой ничего не мог. Он приезжал в их клуб, садился где-нибудь в укромном уголке и просто наблюдал за ней. Он видел её весёлой и жизнерадостной, и не решался в такие минуты омрачать её счастье. Он видел её угрюмой и подавленной, и стремился разогнать тучи над её головою. С каждым днём она всё больше заполняла его душу. И порой не хватало вот так просто сидеть и наблюдать. И он в очередной раз делал попытку сблизиться с ней. Он нарвал огромный букет цветов и оставил их лежать на крыльце. Сам не успел спрятаться, чтобы издали понаблюдать за её реакцией. Не успел отойти от крыльца её дома на пару метров, как столкнулся с нею нос к носу.

– Ты? – удивилась она, и тут она увидела цветы. Изображать восхищение ей не пришлось. – Это мне? – Алёна спрятала лицо в букете, вдыхала его аромат и молчала.

Красноречие изменило Павлу. Он не знал, как объясниться с нею, как открыть всю душу.

– Мне двадцать два года, – вдруг сказала она.

– Я знаю, – прошептал он, и съёжился, словно от дуновения морозного воздуха. Она дала ему ясно понять, что смотрит на него, словно на мальчишку, и никак иначе.

– У меня есть парень.

– Я знаю, – голос его стал ещё тише.

– Я люблю его, – Алена вновь спрятала лицо в букете цветов.

– А я тебя, – наконец-то заявил он.

На её лице читалась жалость:

– Эх, Пашка, Пашка. Ты ещё такой молодой, такой симпатичный. У тебя вся жизнь впереди. Не стоит тратить её на то, чтобы приезжать сюда и смотреть на меня. Дни пройдут, и всё забудется. Неужели весь мир сошелся на мне клином? Да любая девчонка будет счастлива, если ты обратишь на неё внимание. Извини, но моё сердце принадлежит другому.

– Я тебя никогда не забуду.

И Павел оказался прав. До сих пор в его сердце живёт она. Он продолжал видеть её, но только тайно, словно шпион. Лишь бы не расстраивать её. Он наблюдал её свадебную церемонию. Слышал веселую музыку, радостные всплески смеха, крики «горько» и отчёт времени после этого. Было мучительно больно. Так, что на глазах выступали слёзы. И лишь после этого он бросил приезжать за речку. Окончил школу, курсы, устроился на работу.

А когда от знакомых узнал, что Аленка лежит в роддоме и намеревалась родить девочку, то не сдержался и послал ей в подарок букет цветов. Она сама позвонила ему:

– Это уже лишнее, Павел.

– Я просто поздравил тебя.

– Спасибо, конечно. Но больше не делай так. Мой муж может не правильно понять. – И без слов прощания она бросила трубку.

Это был их последний разговор. Паша был для неё всего лишь мимолётным, незначимым эпизодом в жизни.

А она для него была первой любовью, которая или забывается не скоро, или не проходит никогда. И хотя он встречался с девчонками, но стоило лишь услышать знакомое имя, то сердце отзывалось болью.

Осенью того же года он ушел в армию, а после остался в городе.

И вот сейчас, после шестилетней разлуки, он услышал её голос за спиной. Павел достал из сумки шоколадку и обернулся. Так и есть: Алёна и Наташенька.

– Привет! Как жизнь?

Алена вздрогнула, и улыбка едва прикоснулась к уголкам её губ. Она несколько не изменилась: всё такая же свежая, красивая, манящая. И дочка вся в мать – кучерявая, с бархатными глазёнками. Паша не стал задерживать взгляда на Алене, заострил внимание на ребёнке:

– Как живешь, Наташенька?

– Холошо, – девочка легко пошла на контакт.

– Хочешь шоколадку?

– Хочу.

Паша протянул ей батончик.

– Ой, спасибо, – она тут же принялась разворачивать фольгу.

Паша продолжал смотреть только на неё, давая возможность Алене и в себя прийти, и его рассмотреть.

– Мама, – вдруг спросила девочка, – а можно я пойду к дяде?

Паша мгновенно опередил Алену:

– Конечно, можно. Пошли, – он протянул руки и взял ребенка.

Усадил к себе на колени, и между ними завязалась беседа. Наташа просто закидывала его вопросами, и он едва успевал отвечать на их многообразие.

– Дядя, а у тебя есть ещё шоколадка?

– Натали, – окликнула дочку Алена, – дядя уже устал от тебя.

– Шоколадки больше нет, но есть яблоко. Вкусное, большое яблоко. – Паша проигнорировал желание Алены забрать дочь. – Вот возьми, кушай на здоровье.

– Спасибо. А давай сидеть тихо-тихо, чтобы мама не лугалась?

– Давай, – улыбаясь, ответил Павел, – а что, мама у тебя строгая?

– Очень, – покачала головкой девочка.

Паша чувствовал, что Алена вся обратилась в слух, ловит каждое слово и наверняка улыбается.

– А папа?

– Папа уехал далеко-далеко. Я не знаю когда он приедет. – Наташа сразу изменилась в лице. На глазках заблестели слезинки. Паша отругал себя за оплошность и поспешил успокоить ребёнка. Поцеловал её в щечку.

– Не плачь. Он обязательно приедет.

– И привезёт мне живую собачку?

– Да, обязательно.

Они молчали. Наташа расправлялась с большим яблоком. А Паша со своими мыслями. Как часто брошенные матери придумывают для маленького ребенка эту легенду: папа уехал далеко, но он скоро придет и привезет тебе собачку.

– А ты не мой папа? – Наташа посмотрела на него большими грустными глазами. И он знал, как напряглась Алена.

– Нет. К сожалению, – уже тихо добавил он, больше для неё.

– А давай, ты будешь моим папой? – девочка не унималась, вгоняя Павла в тупиковую ситуацию. Он растерялся.

– Давай, спросим это у мамы? – предложил он, и они оба обернулись. Алена заметно побледнела.

– Мама, можно дядя будет моим папой?

– Ну, у нас уже есть папа, – Алёна собрала всю волю в кулак. – Он скоро приедет.

Они встретились взглядами, и Паша почувствовал, как в душе нарастало волнение.

– Я пить хочу.

– Иди сюда.

Наташа вернулась к матери, а вскоре уснула.

– Как живёшь, Алена?

– Нормально.

– Нормально – это понятие растяжимое.

– Да ну тебя, – она слегка улыбнулась своей миловидной улыбкой. – Расскажи лучше, как ты? Жена? Дети?

– Нет.

– Что так?

– Не встретил такую как ты.

– Смотри, жизнь ведь проходит.

– Я знаю.

Они недолго еще перешептывались, боясь разбудить Наташу. А вскоре Павлу предстояло сойти, да и Алёнке до дома оставалась полчаса пути.

– Счастливо вам.

– И тебе тоже.

Ночью Павел долго не мог уснуть. В голове постоянно крутились мысли об этой встрече. Он часто повторял про себя: «И всё-таки я не забыл тебя. Алена, Аленушка. Моя первая, и как оказалось, единственная любовь. Вряд ли я когда-нибудь смогу вот так сильно и безумно влюбиться. Никогда. И буду жить только верой и надеждой. Да только не все мечты сбываются. И что тогда? Тогда жизнь, считай, пройдет впустую».

Уснул он только под утро, которое тоже не принесло покоя. Он сидел на крыльце и курил. И тут увидел маленького щенка около конуры.

– Мама, – позвал он мать, которая возилась в сених, – что за чудо?

– Найда принесла, – пояснила мать. – Оценилась где-то, вот и привела. Одного, слава богу. Оставили. Пусть растёт.

Идея мгновенно выросла из маленького зернышка сомнения в большую уверенность успеха. Он ухватился за неё, как утопающий хватается за соломинку. Это был знак сверху. Как шанс. Единственный шанс. Да и не могло же его всю жизнь преследовать только невезение.

Вечером он был уже за речкой. За пазухой мирно сопел щенок. Его не тревожило сильное сердцебиение хозяина. А тот никак не мог набраться смелости и решительности сделать

несколько шагов, отделяющих от знакомого крыльца. Стоял и курил, одну за другой. И тут на крыльцо выскочила Наташенька.

– Дядя! – она увидела его и сбежала со ступенек. – Смотри.

В руках она несла щенка. Живого щенка. Паша был ошеломлен, сигаретка выпала из его рук.

– Это папа пливёз, он плехал.

Из дома раздавались приглушенные разговоры и громкий смех. Он словно острый нож полоснул Пашу по сердцу. Легенда «об уехавшем отце» оказалась реальностью. А он вновь оказался лишним на празднике жизни. И он, обернувшись, пошел обратно. Нет, не стоило ему оборачиваться в автобусе. Не стоило ловить надежду. Не стоит пытаться вернуться в прошлое. Оно должно оставаться прошлым. Всегда!

1993

Чужая женщина

Репродуктор шелкнул, и мелодичный женский голос раздался в зале аэропорта:

– Рейс 410 «Москва-Мурманск» задерживается на два часа.

В конце зала ожидания молодой, лет двадцати пяти-двадцати семи мужчина только тяжело вздохнул и еще раз посмотрел на часы. Из-за непогодных условий он сидел здесь вот уже пять часов. Предстояло лицезреть окружающее еще два, как минимум. Он старался уснуть, но сон не шел. Он старался думать о чём-нибудь приятном: вот прилечу домой, приму горячую ванну, посмотрю телевизор. И дальше список приятного заканчивался, да и мысли упорно возвращались к только что пережитому. Лариса и Анатолий. Лариса! Ларочка!

Он тряхнул головой и встал. Подхватив спортивную сумку, вышел на улицу. Вдохнул полной грудью свежего морозного воздуха и закурил. И как бы он ни отгонял от себя неприятные воспоминания, ему ещё раз пришлось мысленно прожить эти последние денёчки.

Толя давно приглашал его к себе. Их дружба длилась уже пять лет, со второго курса института, после окончания которого судьба по-своему распорядилась, не вникая в их общее желание, и разбросала по разным сторонам света. Игорь подался на север, а Анатолию повезло больше – он остался в Москве. Расстояние никак не повлияло на их мужскую дружбу. Писались письма и открытки, заказывались телефонные переговоры. Регулярно ездили друг к другу в гости. И на этот раз (в свой очередной отпуск) Игорь приехал в Москву. Едва он соскочил на перрон, как попал в крепкие дружеские объятия.

– Привет, старина. Как доехал?

– Без приключений, – ответил Игорь и заметил рядом с другом представительницу противоположного пола.

– Познакомься, это Лариса, – представил её Толя.

Лариса оказалась невысокой и весьма симпатичной девушкой. Её карие большие глаза излучали невидимый и такой тёплый свет, что на душе становилась приятно и покойно. Она протянула руку и улыбнулась, продемонстрировав при этом ровный ряд белоснежных зубов. А на щечках появились чуть заметные милые ямочки. Игорь пожал её мягкую теплую ладошку очень нежно и осторожно, словно боясь повредить.

– Игорь.

– Очень приятно.

– Мне тоже.

Толя видел по глазам друга, что его девушка понравилась Игорю, и был счастлив этому обстоятельству.

– Ждите меня здесь, я найду такси, – пробормотал он и скрылся в толпе.

– Толя много рассказывал о тебе, – сказала Лариса, глядя ему прямо в глаза, – и очень хорошее.

Игорь улыбнулся, радуясь, что разговор завязывается без особых проблем.

– Бьюсь о заклад, что он сгустил краски.

– Неужели?

– Уверен.

– Ты разбираешься в поэзии?

– Не совсем. Только Лермонтов и Превьер.

– Любишь живопись?

– Матисс и Дали.

– Много знаешь о звёздах?

- Только легенды, предшествующие их названию.
- Увлекаешься историей?
- Французской. Только династией Валуа.

Лариса рассмеялась:

– По крайней мере, как утверждает Толя, ты – очень интересный человек, и с тобой не бывает скучно.

- Не всегда. У меня бывает плохое настроение, и я могу молчать целыми неделями.
- Ты опроверг все слова Толи, – она вновь миловидно улыбнулась.
- Он большой фантазёр.

Их разговор прервал сам Анатолий.

- Поехали?
- Мы как пионеры.

Дорога до дома, где проживал друг, заняла почти час. И он тоже был заполнен разговорами и знакомством. И лишь когда Лариса по дороге покинула их, Игорь почувствовал расслабленность. Девушка почему-то слегка напрягала его. Друзья по приезду принялись за приготовление ужина. Это было традицией: совместными усилиями готовить праздничный ужин, за которым первый обязательный тост был – «за встречу». Ужин затянулся.

- Почему ты не сообщил мне, что у тебя появилась девушка?
- Хотел удивить тебя. Шоковая терапия.
- Считаю, что получилась.
- Всегда рад удивлять тебя.

Утром Анатолий отправился на работу. Игорь же решил побродить по городу. Москва не переставала удивлять его своей красотой и масштабностью. Да и список сувениров для знакомых был достаточно объёмным и разноплановым. Одним днём тут вряд ли можно было справиться.

- Привет! – голос за спиной заставил вздрогнуть.
- Лариса?! – он был приятно удивлен. – Ты?
- Я.
- Встретить тебя вот так случайно на улице в многомиллионном городе? Это же чудо!
- Да, – её улыбка могла просто свести с ума даже самого толстокожего женоненавистника.

- Ты не слишком занята?
- Абсолютно. У меня каникулы и никаких планов в голове.
- Вот и хорошо. Может, заглянем в какой-нибудь кафетерий и съедим по порции мороженого.

– Зимой? Я не против.

В кафетерии выбор мороженого был огромным, и они решили попробовать хотя бы по три. Игорь рассказывал о Севере. Рассказывал так, как человек безмерно влюбленный в него. Лариса слушала заворочено, порой затаив дыхание. За этими рассказами не заметили, как быстро пролетело время. И пришло оно для расставания. Игорь возвращался не спеша. Почему-то хотелось как можно дольше оставаться наедине со своими впечатлениями о встрече с Ларисой. Ведь стоит встретиться с Толей, и это эйфория закончится тривиальностью. Так оно, в конце концов, и произошло. Толя был уже дома и занимался приготовлением ужина.

- Где пропадаешь?
- Гулял. Вот пиво купил.
- Пиво? Отлично, и очень кстати. А то у меня сегодня котлеты получились пересоленными.

Ужинали они в полном молчании, налегая на пиво. «Пересоленные» – слишком мягкое определение для кулинарного шедевра Анатолия.

– Какие планы на вечер?

– Купил три билета на последний сеанс. Отличный, по отзывам, фильм. Сейчас позвоню Ларисе.

Игорю такая перспектива совсем не понравилась, и он пошел на хитрость:

– Извини, у меня были совсем другие планы.

– Другие? – удивился Толя

– Да.

– Ничего не принимаю. Пойдешь с нами, и всё. В кинотеатре имеется бар. Можно просто там посидеть, ретро-музыку послушать.

– Да не хочу я мешать вашему свиданию.

– Ха, да у нас ещё вся жизнь впереди, успеем еще надоесть друг другу. И вообще, это ты у меня в гостях, а значит, это я обязан устраивать твой досуг. И весело, и с пользой. Не спорь! – резко сказал друг, и Игорю пришлось слабо согласиться:

– Ладно.

С Ларисой они встретились около кинотеатра. Анатолий поцеловал её в щёчку, что-то прошептал ей на ухо. Лариса улыбнулась и протянула руку Игорю, давая понять, что Толе не обязательно было знать об их сегодняшней встрече. И он снова аккуратно и осторожно пожал её тёплую мягкую ладонь. А когда встретились взглядами, то оба смутились, как провинившиеся школьники. До начала сеанса было еще время, и они направились в бар. Заказали по коктейлю и мороженому. Игорь старался не смотреть на Ларису, с трудом преодолевая это желание. Чтобы хоть как-то заполнить пустоту, принялся рассказывать анекдоты. К счастью, на память приходили только новые и оригинальные. Толя с Ларисой не переставали весело смеяться.

– Всё, хватит. Дай спокойно доесть уже растаявшее мороженое, – с трудом выговорил друг.

– На этот счёт тоже есть один анекдотик, – невозмутимо подхватил Игорь и поведал очередную байку.

– Я больше не могу, – прошептала Лариса. У неё на глазах выступили слёзы.

Игорь смотрел на неё и всё больше восхищался. На середине сеанса он тихонько выскользнул из зала, решив влюблённых оставить наедине. Анатолий вряд ли испугается его исчезновения. Они понимали друг друга с полуслова. Больше всего он исчез для себя – следовало разобраться в себе и в своих чувствах. Игорь пешком возвращался домой. Ночь выдалась тихая и тёплая.

«Признайся же, тебе очень понравилась Лариса? Да, да, очень. Такие девушки не могут не нравиться. Удивительная и загадочная. Редко в наше время встретишь такую. И вот мне повезло: я встретил! И что? Она – подруга моего лучшего и единственного друга. Чужая она. А Толя молодец, такую девчонку имеет. Ему крупно повезло. Знает ли он только об этом? Осознаёт ли? Надо ему сказать об этом. Обязательно сказать, какой клад ему достался, и чтобы он ценил это и хранил».

В квартиру он попал без труда. Еще по приезду друг выдал ему комплект ключей. Допил пиво и завалился спать.

А когда проснулся, Толи уже не было. На столе записка с пожеланием доброго утра и список продуктов, необходимых купить на ужин. Не успел Игорь одеться, как в дверь позвонили. По привычке, не спрашивая, он распахнул входную дверь, и был безмерно удивлен: на пороге стояла Лариса.

– Привет. Толик просил, чтобы я прошлась с тобой по магазинам.

– Очень заботливо с его стороны. Я ведь и заблудиться могу. Заходи, через пять минут я снова стану пионером.

Собрался он действительно за пять минут. Закупками требуемых Анатолием продуктов они занимались до самого обеда. Но надо сказать, что эти часы лично для Игоря пролетели слишком как-то уж быстро. Он хоть и оставался серьёзным, но старался шутить, на ходу сочиняя небылицы, понимая, что далёк от вчерашней формы. Чтобы хоть как-то сгладить неприятность, купил гвоздики.

– Это тебе.

– Мне? Зачем ты? – прошептала смущенная девушка. В ее глазах плескалась неподдельная радость: – Это мои любимые цветы. Тебе Анатолий рассказал? Или они тоже присутствуют в списке?

– Это моя инициатива, да и других просто не было. – И тут же сменил тему разговора, который в принципе мог перерасти в неприятный. – Смотри. Видишь вон ту собаку. Порода ризеншнауцер. У меня дома точно такая же.

– У тебя есть собака? – удивилась девушка. – Знаешь, а мне всегда были непонятны люди, которые в городе содержат собак. Прогулки два раза в день при любой погоде, приготовление питания, уколы, причёски.

– Я ведь живу один. А так приходишь с работы, а дома живая душа. Ждёт тебя преданный друг. А я привык жить в заботе о ком-нибудь. Решать проблемы до изнеможения. А если нет проблем – то я их сам создаю. – Он говорил очень серьёзно, без намёка на иронию. Лариса глянула на него и не могла поверить, что он может быть так серьёзен.

– Ты живёшь совсем один? Сам варишь, стираешь?

– Меня воспитывали как в древней Спарте. И потом, чему ты удивляешься? Толя же тоже проживает один.

Лариса смутилась и густо покраснела.

– Я упустила это из вида.

– А вот мы и дома. Спасибо за помощь. – Он протянул руку. Не корректно он посчитал приглашать девушку в квартиру в отсутствии там ее жениха.

– Мы разве сегодня не увидимся?

– Нет.

– Тогда, до свидания.

– До свидания.

Игорь был удивлён, когда застал на кухне друга.

– Ты уже дома?

– Сегодня пятница, короткий день, да и на тот я отпросился. – Кивнул на объёмные пакеты. – Всё купил?

– Благодаря Ларисе. И когда ты успел её об этом попросить?

– Вчера, между поцелуями.

– Ясно. – Игорю совсем не нравилась перспектива провести целые выходные в обществе друга и Ларисы. Хотя нет, не точное определение. Без Ларисы. Раньше они весело проводили время вдвоем, устраивая соревнования, кто больше «склеит девчонок». Теперь такое времяпровождение исчерпало себя полностью. Он распаковал пакеты.

– Пиво? – удивился Толя. – Кажется, в списке отсутствовал сей пенный напиток.

– Я для себя. Как с обедом?

– Мой руки. Обед почти готов.

Обедали снова в молчании. Только иногда Анатолий бросал озабоченные взгляды на друга, который обильно запивал каждую ложку пивом.

- Ты немного пьёшь?
- Что-то муторно на душе. – Отмахнулся Игорь.
- Тебе понравилась Лариса?

Игорь давно ждал этого вопроса, и всё-таки он прозвучал как-то не к месту и не ко времени, заставив вздрогнуть и слегка покраснеть. Хорошо, что Толя склонился над тарелкой, и не видел этого. Игорь же быстро взял себя в руки.

- Отличная девчонка. Я даже завидую тебе.
- Помнишь, именно о таких мы с тобой когда-то мечтали. Правда?
- Да, мечтали. Хоть у одного из нас мечта сбылась.
- Верь, взойдёт она,

Звезда пленительного счастья. – Успокоил его Толя. – Знаешь, я очень счастлив. Даже не понимаю, как я раньше жил без неё.

- Я рад за тебя.
- Спасибо.

Прошло несколько дней. Игорь, внешне спокойный, чувствовал в душе настоящий разгул стихии. Он был влюблен. И это чувство ежедневно росло и укреплялось, но радости и счастья не приносило. Он изменился с тех пор, когда только что прилетел в столицу. Он старался избегать встреч с Ларисой, но это ему очень редко удавалось. Анатолий, ослепленный своим счастьем, не замечал ничего вокруг себя. И устраивал культпоходы и вечеринки с обязательным присутствием лучшего друга и любимой девушки. Где они только не успели побывать за столь короткое время. Выставки и экскурсии, дискотеки и катки. Походы на лыжах в Подмоскowie. Игорь же становился всё грустнее и грустнее. Настроение его падало. Тем более он стал вдруг всё чаще ловить на себе Ларисины взгляды, которые дружескими уже не назовешь. В редкие минуты уединения он всё чаще ругал себя:

– Мне надо срочно уехать. Я так боюсь понравиться этой чудо девочке. Толя мой единственный друг, и я не могу рисковать такой дружбой. Надо сделать всё, чтобы Лариса почувствовала ко мне неприязнь, лучше даже отвращение. И тогда огромная пропасть ляжет между нами. Она чужая. Чужая. Запомни это, Игорек. Я не имею права отбивать ее, даже если она сама того желает. Толя, тоже мне! Слепец! Ничего не замечает. И как же он будет страдать, если вся правда вылезет наружу. Да. Это с одной стороны. А если взглянуть с другой? Вдруг Лариса – моя судьба, моя вторая половинка. Такое может быть? Может! Вот дилемма! Вот вопрос!

Он сидел в том самом кафетерии, за тем же самым столиком. Только рядом не было её, а на столешнице – бокалы пива, которое, к сожалению, совсем не помогало ему ни решить все вопросы, ни утолить боль.

- Привет, – раздался рядом такой милый голосок.
- Привет.
- Толя волнуется. Думает, что ты заблудился. А моё сердце подсказало, где тебя искать.
- Твоё сердце не ошиблось.

Она присела напротив и смахнула несколько рыбных чешуек.

- Опять ты пьешь? – грусть в голосе была неподдельной.
- У меня начался запой.
- Запой?! – одновременно прозвучало и удивление, и недоверие. Да Игорь решил прибавить к ним еще и разочарование:
- Месяц пью, неделю отхожу. Немного отдыхаю, и опять всё по кругу
- Ты врешь.
- Нет.

– Врёшь, – упорно повторила Лариса, – и я не понимаю, зачем тебе это надо? Это даже не смешно.

– Неужели не понимаешь? – он взглянул в её глаза и заметил, что девочка на грани срыва. Глаза уже блестели от влаги. Ничего не говоря, она вскочила и убежала. Игорь даже не шелохнулся. А через полчаса к нему подошел Анатолий.

– Ты испугал меня.

– Я уезжаю завтра.

– Почему?

– Ты всё поймёшь.

Они молчали. Достаточно долго. И взгляды поверх пены пива на кружках многое сказали без слов.

– Пошли, поздно уже. Да и кафе скоро закроется.

Они вышли на морозный воздух. Постояли, подышали, изгоняя из организма отравленную атмосферу кафетерия. И не спеша, побрели домой, всё так же безмолвно. И лишь когда подошли к самому дому, Толя схватил друга за руку:

– Скажи, неужели это конец? Я не хочу терять такого друга, как ты. Но и Ларисой жертвовать...

– Ну что ты, Толян. Это просто на меня хандра напала. Всё будет, как и прежде. Навсегда. Успокойся.

Ларису он больше не видел.

И вот уже седьмой час торчит он в аэропорту. Словно сама погода против того, что бы он покинул город. В голове постоянно крутились строчки какой-то полузабытой песенки «Мы любили с тобою друг друга, но, увы, нам вместе – не судьба». И он шептал эти строчки, шептал. То ли успокаивал себя, то ли совсем наоборот. Пройдёт целый год, прежде чем они встретятся с Анатолием. И это только по их плану. А время, как известно, хороший доктор. Лишь бы девочка не наделала глупостей.

Наконец-то объявили посадку, и через несколько минут самолёт поднялся в морозное московское небо.

1993

Трудные дни

Слёзы уже давно высохли, но боль по-прежнему сжимала сердце. Мысли со скоростью света проносились в голове, но, ни одна из них не приносила облегчения. Везде был тупик, из которого она не находила выхода. Оксане не хотелось жить. Она посмотрела на часы: уже три часа она здесь, в старом городском сквере. Ветер обрывает с деревьев жёлтую листву. Она падает на дорожки, скамейки, шуршит под ногами, слово поёт прощальную песню. Серые тучи ползут по небу, закрывая и без того прохладное солнце. На улице царит полумрак, пахнет сыростью, неуютностью.

Оксана снова вспомнила вчерашний день и вздрогнула, поёжилась. Нет, ни за что на свете она бы не хотела вновь прожить его.

Врач медленно, целую вечность, протирал очки, наконец, взгромоздил их на свой большой нос и сказал:

– Поздравляю. Ваша дочь беременна.

Растерялась Оксана, растерялась её мать. В полном молчании они вернулись домой, где мать дала волю своим чувствам.

– Шлюха! – бросила она через плечо, уходя на кухню.

И Оксана убежала в свою комнату, упала на кровать и расплакалась. Она ждала от матери поддержки, понимания, в конце концов, равнодушия. Но только не этого оскорбления. Близился вечер, которого Оксана ждала в большой тревоге, в предчувствии неприятностей. И она не ошиблась. Пришёл с работы отчим. Они с матерью закрылись на кухне. Оксана приоткрыла дверь из комнаты, и до неё долетели приглушенные голоса.

– Ты только представь, что она вытворяет!

– Я же тебе давно говорил: отправь её в деревню, к матери.

– Опозорила меня! Что будут говорить на работе, соседи! Как я буду смотреть им в глаза? Моя дочь «принесла в подоле». О, Боже! Какой позор!

Они теперь не шептались, а говорили на повышенных тонах. Оксане уже и не стоило подслушивать у двери. Она вновь вернулась и села на койку, закрыв лицо ладонями.

Отчим никогда не любил её. Он с первого же дня своего появления в этой квартире искал любой повод придрататься, накричать, упрекнуть. А мать молчала, лишь часто говорила:

– Ты уж потерпи, Оксана. Мне одной нелегко.

Но шли дни, месяцы, годы, и ничего не менялось. И мать уже не обращала на это внимания, махнула рукой. Оксана старалась реже бывать дома, не попадаться отчиму на глаза. Закрывалась у себя в комнате, где проводила вечера наедине с книгами. Мечтала окончить школу и уехать куда-нибудь на стройку, но жизнь распорядилась по-другому. Пришлось идти работать на завод.

От раздумий её оторвали мать и отчим. Они уже почти кричали. В их словах всё больше проскальзывали насмешки и грязные намёки.

– Кто же позарился на эту худосочную? – кричал отчим, явно принявший «на грудь». – Ни кожи, ни рожи. А может, она занимается проституцией? Может, спросить её?

Оксану бросило в жар, когда она услышала их шаги. Она вскочила, закрыла дверь на крючок, и вновь слёзы обиды брызнули из глаз.

– Открой. Открой! – мать дёргала за дверную ручку.

Оксана ничего не ответила. И что бы ни слышать их ругань и угрозы, легла на кровать, закрыв голову подушкой, и читала при этом стихи наизусть. Когда она очнулась, была уже ночь, и в доме властвовала тишина. Оксане не спалось в эту ночь, все мысли были о Славе.

Они дружили ещё со школьной скамьи. Он был из благополучной, интеллигентной семьи. Всегда аккуратно одетый, подстриженный. С ним всегда было хорошо, легко и весело.

Он знал много интересного, рассказывал доступно и понятно. Из всех девчонок он выбрал почему-то Оксану, совсем не приметную, «серую мышку». Всё началось с того, что у неё в парте начали появляться свежие цветы, в которые были вложены листочки со стихами. Оксана смущалась, краснела, а в душе росла радость, рождались безумные слова и желания. Они встречались по вечерам, и каждый раз Слава был разным, новым. Оксана всё больше и больше восхищалась им. И Слава чувствовал, что их дружба перерастает в любовь, беспечную, трепетную, нежную, которой предстояло пройти экзамен на прочность.

Родители Славы узнали об их отношениях и не одобрили выбор сына. Каждое утро начиналось с нравоучения и нотаций. Слава был хорошо воспитан и слушал эти монологи, где часто высмеивалась Оксана, молча. Он только слегка бледнел, прикусывая губы, когда слова становились язвительными. Но зато по вечерам, в очередное свидание, он был более внимателен к ней. Он обнимал и целовал её так нежно, словно она была из хрупкого стекла. Всё чаще приглашал её в кафе, на дорогие дискотеки. Всё чаще дарил цветы и сувениры. Оксана смущалась, повторяла: «К чему всё это? Ты не слишком много на меня тратишь?» А в ответ он только улыбался и повторял: «Я люблю тебя». Хотя так же часто он становился грустным и задумчивым, молчаливым. Оксана понимала, что это неспроста, терялась в догадках. Единственный правильный ответ, по её мнению, – предстоящая разлука. Ведь ему скоро предстояло уйти в армию. Она как-то призналась ему:

– Я боюсь с тобой расставаться. Мне кажется, что я не смогу прожить без тебя два года.

– Я тоже, – грустно ответил он. – Может, сбежим куда-нибудь в горы, поселимся в пещере? Я буду охотиться, а ты – поддерживать огонь и воспитывать ребятишек.

Он всегда находил слова утешения. Но тайное становится явным. Оксана и не представляла, что всё узнает от матери, которая давно потеряла интерес к дочери. Оксана сидела у себя в комнате и заполняла дневник, когда к ней зашла мать, села рядом и посмотрела на неё. И были в её взгляде давно забытые доброта и забота.

– Что с тобой? – Оксана не смогла спрятать удивление.

– Просто, решила узнать, как ты живёшь? Чем занимаешься? С кем дружбу водишь?

– Ни с кем я не встречаюсь, – Оксана ответила лишь на последний вопрос.

– Какая же ты скрытная. Разве Слава Николаев не твой парень?

Оксана смутилась и не заметила довольной улыбки матери.

– Ты откуда знаешь?

– Я говорила с его родителями. Очень образованные, приятные люди. Я рада, что ты окрутила такого парня. Держись за него. Жених он богатый.

– Они, значит, против? – Оксану осенила догадка. И стало всё понятно: и задумчивость Славы, и льстивые слова матери. На душе в одно мгновение стало противно и гадко.

– Не важно. Он же тебя не бросает.

– Мы расстались, – зло ответила она.

– Давно? – Губы плотно сжались.

– Давно. И не он, а я разорвала отношения. Просто надоел. Так что радость твоя запоздалая.

– Дура! – вскипела мать. Вскочила и ушла, громко хлопнув дверью. Глаза Оксаны наполнились влагой.

Славе она так и не решилась рассказать об этом, глядя в его карие, с грустинкой глаза. Просто не хватало смелости. Но уже не могла принимать его подарки и нежность. И Слава заметил эту нерешительность и понял всё. Он с трудом уговорил её пойти в ресторан, где заказал французское вино и деликатесы.

– Ты всё знаешь, – тихо сказал он и замолчал. Молчала и Оксана, глядя отсутствующим взглядом в тарелку. Ей показалось, что он устроил этот шикарный вечер, чтобы он, как последний, надолго остался в памяти.

– Это прощальный вечер? – тихо спросила она и подняла глаза, в уголках которых появились слезинки.

– Нет! Что ты! – испугался он. Протянул руку и нежно пожал ей ладонь. – Я не хочу с тобой расставаться. Мне так хорошо с тобой. Очень-очень. Просто я не хочу, что бы ты страдала.

– Ты же тоже страдаешь. Я вижу, как ты изменился.

– Прости. Я обещаю, что стану прежним весельчаком. Только ты не бросай меня, – слова были полны мольбы и искренности.

– Я? Что ты? Я... люблю тебя, – яркий румянец залил её щеки.

– Правда? – на его лице вновь засияла улыбка. – Пошли танцевать?

– Пошли.

Они долго танцевали медленный танец. Он касался губами её волос, лба, щёк. Он, словно безумный, шептал ей нежные слова признания. И всё, что было вокруг, стало им безразлично. В этот миг и этот зал, и целый мир принадлежал только им. А потом была ночь, такая же безумная, так же пропитана любовью.

При следующей встрече Оксана смутилась, спрятала лицо в букете цветов. Но Слава своими поцелуями и словами о любви быстро развеял это смятение. И они снова были вместе. И они снова пили счастье.

Потом Слава ушёл в армию, а для Оксаны наступили тяжелые дни. Сплошной чёрный четверг. Только в дни разлуки осознаешь, как не хватает нежности слов, теплоты любимого человека. И ты живёшь от восточки до восточки, а когда получаешь их – и солнце светит по-особому, и вечера не такие пустые и страшные.

А потом... Как-то закружилась голова, подступила тошнота и слабость. Мать сразу же потащила её в больницу. И вот: она – беременна. У неё будет ребёнок. Ребёнок от Славы! Мать и отчим весь день бушевали, оскорбляли. Но утром вдруг всё изменилось. Мама Оксаны захотела поговорить с ней. Оксана спешила на работу, и разговор пришлось отложить до вечера. Возвращаясь с завода, Оксана думала: «Неужели мама одумалась?» Ей так хотелось верить в это, но уверенности не было. Так оно и случилось. Оксана не успела укрыться за спасительной дверью. Мать вошла следом в комнату.

– Ты не хочешь поговорить со мной?

– Я устала, мама.

– Но нам необходимо поговорить. Ответь мне на один вопрос: это ребёнок Николаева?

Всего мгновение понадобилось Оксане, чтобы принять решение и выбрать одно из двух. Целый день она думала об этом, разрывалась между двумя полюсами. Но как не хотелось начинать жить со скандала, который бы мать закатила родителям Славы. А что она поступит так, не было никаких сомнений.

– Нет, – ответила она, не отводя глаз.

– Тогда чей? – голос терял слабые тона понимания и тепла.

– Я не знаю.

– Как не знаешь? Ты не знаешь, от кого ждёшь ребёнка?

– Я не знаю, – уже не так уверенно ответила Оксана. Но её мать, в которой уже закипал гнев, не заметила этого. И вновь:

– Шлюха! – и громкая пощечина разорвала тишину.

Оксана отошла к окну. Слезы боли и обиды навернулись на глаза.

– Папа бы никогда не позволил ударить меня.

– Так иди к своему папочке!

Оксана резко обернулась. Ей только сейчас пришла в голову эта мысль, и она сгоряча бросила в лицо матери:

– Он и ушёл от нас только из-за тебя. С тобой невозможно жить. Ты всегда была чем-то недовольна. Ты всегда искала скандала. Это ты заставила его выпивать. Это ты выжила его из семьи.

– Убирайся вон из моего дома, – мать задыхалась.

– Уйду.

– Уходи! – она бросилась из комнаты, и Оксана поспешила закрыть дверь.

Это короткое слово «уйду» не покидало её весь день. Так легко сказать, но так трудно воплотить в жизнь. Оксана не спешила домой, где прожитые дни были кошмаром. Она в сквере уже больше трёх часов, не чувствуя холода. Мысленно писала письмо Славе: «У нас с тобой будет ребёнок. Может, тебе это не понравится? Да, скорее всего. Ты мечтал жениться на мне, в медовый месяц отправиться на море. А теперь я буду лишь матерью-одиночкой, с незаконнорожденным ребёнком. Только ты не подумай, что я хочу привязать тебя к себе. Ты сам сделаешь выбор. А от ребёнка я не откажусь. Ни за что! Пиши (если захочешь) по адресу.... «Где же я теперь буду жить? – уже вслух просила Оксана. – Мне негде остановиться. Я никому не нужна».

От жалости к себе слёзы были готовы вновь навернуться на глаза, но Оксана закусила губу, тряхнула головой. « Попрошусь к отцу переночевать, а завтра начну поиски квартиры». Она встала со скамейки и не спеша, пошла по жалобно поющим листьям.

Когда отец ушел от матери, для Оксаны это было просто трагедией. Она не понимала его, не понимала, как можно бросить дочку, с которой так любил играть по вечерам. Обида была такой сильной, что переросла в ненависть. Отец часто встречал её на улице, пытался поговорить, но она была дерзка и холодна, избегала встреч. И хотя с отчимом были напряженные отношения, говорить об этом отцу казалось ей слабостью. Гордость не позволяла ей сделать это. Но теперь от этой раздутой гордости не осталось и следа.

«Стало трудно – вспомнила меня», – Оксана чуждилась укоризненные слова, которыми встретит её отец. И, по её мнению, это было справедливо.

Она долго не решалась нажать кнопку звонка. И лишь усталость, холод и обречённость заставили сделать это. Дверь открыла женщина.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, Оксаночка, – вторая жена отца назвала её так, как всегда звал он. – Заходи.

Оксана не смело переступила порог.

– Ты раздевайся, у нас тепло. Я тебя сейчас напою горячим чаем. Отец приедет завтра, он в командировке.

– Вы знаете меня?

– Конечно, – она улыбнулась, но улыбка почему-то была грустной. Она провела Оксану на маленькую, уютную кухню, усадила за стол, а сама стала суетиться около газовой плиты. – Отец всегда ждал, когда ты придёшь. И я очень рада, что это случилось. Жаль, что его нет дома.

Оксана смутилась, не ожидая такого тёплого приёма. А она даже не могла вспомнить имени женщины. Краска стыда залила её лицо. Женщина видела, что Оксану что-то терзает, мучает. И за ужином старалась развлечь её рассказами о школе, где она работала. Много интересного, смешного, а порой и нелепого происходило с её учениками. Они вместе смеялись. Оксана на время забыла о своих проблемах, за что была благодарна этой доброй и чуткой женщине.

– Поздно уже. – Оксана увидела, что за окном стало совсем темно, и невольный вздох вырвался из её груди.

– Может, переночуешь у нас?

– А можно?

– Ну, конечно, Оксаночка. Для тебя всегда приготовлена комната.

– Комната?

– Да. Пошли, посмотришь. Бог не дал нам детей. Так Коля сильно хотел, чтобы ты иногда приходила к нам.

Они прошли коридором, и зашли в большую светлую комнату. Оксана остановилась на пороге, не веря своим глазам: обои, мебель, лампа под светло-зелёным абажуром, и даже игрушки на книжном шкафу были такими же, как в детстве. Какая-то нежная грусть обволокла Оксану.

– Что ты встала на пороге? Проходи.

Оксане стало неловко и безмерно стыдно перед этой женщиной, перед отцом. Глаза наполнились слезами. Она уткнулась женщине в плечо и дала им волю.

– Ну, что ты, Оксаночка. Отец тебя не винит. Он очень любит тебя. Пойдём, посидим. Я вижу, что с тобой что-то происходит. Расскажи мне, я умею слушать.

Она обняла её за плечи, провела в комнату, усадила на диван. И Оксана рассказала ей всё. Женщина не перебивала её, не торопила. По-прежнему обнимала за плечи и гладила по волосам. Она слушала её по-матерински.

– Я не знаю, как Слава будет теперь относиться ко мне. – Оксана за весь вечер впервые посмотрела ей в глаза.

– Он будет рад.

– Не знаю, – неуверенно сказала Оксана.

Если он любит тебя, то будет рад. Поверь мне. А на счёт жилья нечего думать. Жить будешь с нами.

– А как же вы?

– Мы будем только счастливы. Тебе нужна поддержка и забота и ты найдёшь их здесь. А когда родится ребёнок, то он найдёт любящих его бабушку и дедушку.

– Спасибо вам. Вы так добры ко мне.

– Давай перейдём на «ты».

– Хорошо, – улыбнулась Оксана.

Николай приехал уже после обеда. Поцеловал жену, внимательно посмотрел на неё и спросил:

– Ты что-то скрываешь от меня, Наденька? Больно уж цветущий у тебя вид. Неужели так соскучилась?

– Ты тоже будешь улыбаться, когда я сообщу тебе новость.

– Какую же? Говори, не томи. Я сгораю от нетерпения.

Надя рассказала о дочери. Коля не улыбался, как ожидала она, он просто закусил губу. Отвернулся, стыдясь слёз, невольно выступивших из глаз.

– Где же она?

– На работе. Придёт вечером. А я готовлю семейный ужин. Поможешь мне?

– С удовольствием.

До самого вечера они говорили об Оксане, будущем внуке, строили планы. Казалось, что птица счастья наконец-то залетела в их дом. Время шло, а Оксаны всё ещё не было. Николай начал нервничать, волноваться. Это передалось и Наде. В доме повисла угнетающая тишина. А Оксане просто необходимо было побыть одной. Нелегко вот так резко сделать крутой поворот, перечеркнуть всё прошлое и начать с чистого листа. Трудно покидать дом, где прошла вся твоя жизнь, где всё до боли знакомое и родное. Всю дорогу она прошла пешком, под гнётом нерадостного настроения.

Раздался долгожданный звонок. Коля и Надя бросились в прихожую.

– Дочка моя, – Коля обнял Оксану, крепко прижимая к груди.

– Прости меня, папа, – прошептала она.
– Всё будет хорошо. Теперь всё будет хорошо. – Оксана попала в объятия Надежды.
– Я думала, что ты не придёшь, – она чуть не плакала искренне, без капли напускных чувств.

– Ну что вы, тётя Надя. – Оксана вспомнила её имя и произнесла его с такой же неподдельной радостью.

Они прошли в общую комнату. Где был накрыт большой стол: шампанское, цветы, деликатесы.

– У нас сегодня праздник.

– Какой? – не поняла Оксана.

Отец вместо ответа вновь обнял её и поцеловал в щёку. Оксана была готова расплакаться.

Прошло две недели, как Оксана отправила письмо Славе, а ответа так и не было.

– Не волнуйся, Оксана, – часто говорила ей Надежда, – Напишет он.

– Раньше всегда письма приходили вовремя. Неделя туда, неделя обратно. И сегодня опять нет.

– Ну, мало ли что случилось. Может, на почте задержалось. Может, Слава на учениях.

– А может он раздумывает, – Оксана явно поддалась пессимизму. – Раздумывает – значит, не уверен в своих чувствах.

– Не терзай себя напрасно. Всё будет хорошо. Поверь мне.

– Если бы все ваши слова исполнились, я бы была самой счастливой на свете.

– Так оно и будет, – уверенно повторяла Надя.

Но прошло ещё две недели, а почтовый ящик так и оставался пустым.

Было раннее утро, когда кто-то позвонил в дверь. Надежда, на ходу надевая халат, прошла в прихожую. Ворчала:

– Кто же в такую рань, да ещё в воскресенье. Неужели Колю снова вызывают на работу?

Она открыла дверь, и сердце её учащенно забилося. На пороге стоял солдат. В шинели, с – чемоданом в руках. Было видно, что он прямо с вокзала.

Здравствуйте. Оксана дома?

– Она ещё спит. Заходите, Вячеслав.

– А вы, наверное, тётя Надя? – Слава вошел и стал раздеваться.

В прихожую вышел Николай. Они поздоровались, познакомились, и повисла неловкая тишина.

– Пойдёмте пить чай, – спасла положение Надежда.

– Спасибо, – согласился Слава. – Мне надо поговорить с вами.

– Вот за чаем и поговорим, – ответил Николай.

Оксана спала. Последнее время она почему-то не видела снов. Может, только счастливые видят сны? Слава присел на краешек кровати, любясь спящей Оксаной. Легким воздушным движением провёл пальцем по её закрытым глазам, носу, неплотно сжатым губам. Оксана вздрогнула и медленно открыла глаза.

– Слава? – она села на кровати. – Ты?

– Я! – он обнял её за тёплые плечи. – Это я, девочка моя. Ты так обрадовала меня! И мне сразу дали отпуск.

Он целовал её глаза, губы, щёки, волосы.

– Это ты. Это ты, – заморожено шептала Оксана, и слёзы счастья текли по её щекам.

1994

Жизнь прекрасна!

Роман Снегирев выделялся среди своих друзей: высокий, стройный, красивый. Он легко знакомился с девчонками, менял их как перчатки. Трое его друзей тайно завидовали ему. Ромка знал об этом и в душе гордился своими подвигами. Часто они ходили в общежитие от пединститута, где познакомились с девчонками, живущими в одной комнате. Среди них была одна очень симпатичная: среднего роста, прекрасная фигура, большие серые глаза, длинные пушистые волосы. Звали её Наташей. Но она не принимала участия в общих чаепитиях, походах в кино и играх, даже в разговорах и спорах, которые иногда возникали. Она в одиночестве или читала книгу, или вязала. Была нелюдимой и почти всегда находилась в грустной задумчивости.

При встречах с ней Рома словно забывал о тех преимуществах, которые позволяли прежде пленить слабый пол. Он говорил с другими девчатами, шутил. Часто бросал взгляды на Наташу, которая не обращала никакого внимания на парней. Иногда они встречались взглядами, и Наташа, смущаясь, быстро отводила глаза. А Ромке нравилось не только это смущение. Ему нравилась она сама.

Однажды, когда Наташа вышла из комнаты, Роман поинтересовался у девчат:

– Она всегда такая молчаливая?

– Нет, почему же. С нами она весёлая и жизнерадостная. Просто она ненавидит парней.

– Почему? – удивился Сергей, с которым Рома поддерживал более дружеские отношения, чем с другими парнями.

– Не знаю. Но, кажется, её обманул парень, и теперь она вам больше не верит. Вы не обращайтесь на неё внимание. И, пожалуйста, не обижайте. Она очень ранима.

– Пойду-ка я покурю. – Рома не стал звать остальных и вышел один.

В коридоре около окна он увидел Наташу. Она смотрела на город, на миллионы его огней. Он подошёл и встал рядом. Наташа ничем не выдала того, что замечает его присутствие.

– Наташа, ты почему одна? Пойдём в комнату, там музыка, весело.

– Оставь меня одну, – она даже не взглянула в его сторону.

– Одиночество – это не лучшее, что создал Бог.

Она резко повернулась и посмотрела ему в глаза:

– Я тебя прошу, оставь меня, – в её глазах мелькнул злой огонёк.

– Извини, – Рома пожал плечами и поругал себя за бестактность. Снова пошёл в комнату, где увидел, что вся компания куда-то собралась.

– Вы куда?

– Решили в кино сходить. Ты с нами?

– Нет, я пойду домой. – Снегирев взял куртку и вышел.

Он стоял за остановкой, курил, совсем не собираясь идти домой, и ждал, когда весёлая компания удалится в кинотеатр. Ждать ему пришлось недолго. Он слышал, как они пришли, громко разговаривая и смеясь. Из их разговоров он узнал, что завтра у Наташи день рождения.

Вскоре они уехали, и Рома вернулся в общагу.

– Можно? – он постучал.

– Да, – раздался вежливый голос Наташи.

– Извини ещё раз, – Рома зашёл, – я, кажется, забыл свою шапку.

– Вот она, – она кивнула головой и снова углубилась в чтение.

Рома взял шапку, помялся на месте, не зная, как ещё раз завести разговор.

– Какую книгу читаешь?

Наташа мимолётно посмотрела на него, но ничего не ответила.

– Может, сходим в кино?

– Я не хочу, – не очень любезно ответила она.

Рома чуть разозлился. Он бесцеремонно снял куртку и сел за стол напротив девушки. Наташа при этом только пожала плечами, продолжая читать. Но пристальный взгляд Романа, который она чувствовала на себе, сделал своё дело. Она начала волноваться, перечитывать строчки по несколько раз, тем не менее, ничего не понимая.

– Человеческие отношения так загадочны и мучительны, что иногда приходит мысль: не одиночество ли единственное, пока доступное счастье, – вдруг сказала она и подняла голову.

Рома встретился с ней взглядом и подумал: «Какие у неё красивые, выразительные глаза». – Александр Грин, – добавила она.

Рома лихорадочно искал в цитатах великих людей что-нибудь противоречащее Грину, но, как обычно бывает, умные мысли приходят всегда поздно. Только одна пришла на ум:

– Самый прекрасный подарок сделан людям после мудрости – это дружба. К сожалению, автора не помню, – честно признался он.

Теперь настала очередь Наташи. И она, к огорчению Романа, ответила моментально:

– Мудрость? Так будь мудрым. Неужели я своё желание выразила непонятно? – и она уткнулась в книгу.

Рома встал, прошелся по комнате, чувствуя себя побеждённым.

Неожиданно вернулись пацаны и девчата и, удивлённые, остановились в дверях.

– Хорошо, что вы пришли. Такого утомительного собеседника я встретила первый раз. – Сказала Наташа и даже не посмотрела в его сторону.

Рома схватил куртку и выскочил из комнаты.

Он долго не мог уснуть. Лежал и смотрел в темноту. Мысленно постоянно возвращался к Наташе и сам не мог разобраться в своих чувствах: «Чего я хочу? Завоевать её сердце? Это, конечно, тоже есть в моих мыслях. Но, главное, я хочу быть просто её другом, чтобы она доверяла мне, поделилась своей болью. Я хочу вернуть ей радость жизни. Улыбку и весну. Тяжело быть одному. Страшно. Я хочу помочь ей. Чисто по-человечески. Но как ей объяснить это?».

Вечером он, как обычно, собрался идти в общежитие. Ещё после работы он купил огромный торт и букет цветов, на что потратил почти весь аванс. На то была причина: у неё был день рождения.

Но вся его решимость и смелость вдруг испарилась около общежития. Он остановился и закурил, посмотрел на окна пятого этажа. В комнате горел свет, мелькали тени. «Пацаны, наверняка, тоже там. Сидят за столом, поздравляют, смотрят в её красивые глаза. Что это я? Ревную?»

– Что, проблема? – раздался голос за спиной. Он обернулся и увидел подростка.

– Чего? – не понял он.

Пацан кивнул на торт и цветы:

– Не пускают? Или поругался? Я могу отнести, конечно, за деньги, – он говорил вполне серьёзно. Рома понял, что он подрабатывает тем, что таскает подарки и записки. Он протянул свой.

– Комната 138. Наташа Завьялова.

– Понял! – парнишка скрылся в подъезде. Вернулся он быстро.

– Классная у тебя девчонка, – сказал он. – Там парни были, и один собирается поговорить с тобой.

– Это уже лишнее, – прошептал Роман.

Сейчас он не хотел ни с кем встречаться, тем более с друзьями. «Интересно, как отнеслась к этому Наталья? Опять холодный взгляд и пожатие плеч? А может, в её глазах наконец-то затеплится нежный огонёк? И если это случилось, то, значит, первый шаг сделан».

Целый вечер в полном одиночестве Роман бродил по городу. Когда становилось холодно, то заходил попить кофе. И всё время думал о ней.

Он гулял по городскому парку, загребая ногами разноцветную листву. Недавно прошел осенний дождь, и в воздухе висел запах леса и грибов. Не зря, наверное, поэты любят осень. Приходит грусть и вдохновение – рождаются стихи.

– Ромка, – послышалось за спиной.

– Сергей, – они поздоровались.

– Я искал тебя. И догадался, что ты здесь. Любишь этот парк?

– Обожаю. Особенно осенью. Ты чего искал меня?

– Хотел поговорить, – он немного помолчал, – о Наташе.

– О Наташе? – Рома сделал удивлённый вид. – С ней что-то случилось?

– Ты же знаешь, какая она.

– Знаю. А я здесь причем?

– Не притворяйся, Ромка. Этот торт – твоих рук дело. Твой стиль завоевания женских сердец. Только знай, Ромка, мы не дадим её в обиду.

Рома только пожал плечами.

– Ну и что из этого?

– Отстань от неё. Если хочешь сохранить нашу дружбу, – Сергей пошел на крайний ход. Но Роману это было теперь безразлично:

– Как знаешь, – он опять пожал плечами и поймал себя на мысли, что часто стал пожимать плечами, как Наташа. Он улыбнулся этому.

– После учёбы она хочет уйти в монастырь.

– Чего? – поразился Рома. Он ещё ни разу не видел человека, который собирался уйти из этого мира. Он считал таких людей со странностями.

– Я тебя предупредил, – продолжал Сергей.

– Слушай, Серёга, – разозлился Роман. – А если она мне нравится? Если это серьёзно? Вы что думаете, что Ромка Снегирев не способен полюбить?

– Полюбить?

– Да! Я люблю её! – ответил Рома, удивляясь сам своим словам.

И в этот же миг он почувствовал, что это именно так. В его шальное, безоблачное сердце вдруг пришла любовь. Большая, горячая, безумная любовь. Это открытие поразило его самого, и ему захотелось остаться одному. Не прощаясь с другом, он отправился к выходу. И неожиданно столкнулся с той, которой только что признался в любви. Наташа стояла около берёзы и смотрела, как по веткам прыгали воробьи. Он подошёл к ней:

– Привет!

Она вздрогнула и обернулась

– Опять ты? – вздохнула она и нахмурила брови. – Ты следишь за мной?

– Случайная встреча.

– Тогда до свидания, – она отошла и села на лавочку, низко опустив голову.

Роману не хотелось уходить, но присесть рядом и заговорить тоже не решался. Поэтому он прислонился к мокрому стволу берёзы. Молчание длилось долго, и первой не выдержала Наташа:

– Что тебе от меня надо? Разве ты не понял, что всё бесполезно?

– Я хочу помочь тебе.

– Помочь? – удивилась она. – Но мне не нужна помощь.

Рома подошёл, сел рядом и закурил

– А, по-моему, нужна. С тобой что-то происходит. Тебя терзают воспоминания. Нельзя же боль держать в себе. Если у тебя есть друг – то поделись, и тебе станет легче.

– У меня есть подруга, – вдруг тихо сказала она, – только она далеко.

Наконец-то тон её голоса изменился, теперь в нём не слышалось ни льда, ни презрения.

– Можешь поделиться со мной, – осторожно предложил Рома, – это останется между нами.

Она впервые с интересом посмотрела на него.

– Все вы одинаковы, – прошептала она, встала и медленно пошла по дорожке.

Рома догнал её и пошёл рядом. Они молчали. Наташу, видимо, опять мучила память, а Рома думал, как продолжить разговор, не обижая её. Они проходили мимо кафетерия, когда Рома осмелился и предложил:

– Может, зайдём, погреемся?

Она, ничего не отвечая, первой вошла и выбрала самый отдалённый столик, куда едва проникал свет и лёгкая музыка.

– Что будешь пить?

– Кофе с молоком.

Подошёл официант, и Рома сделал заказ:

– Кофе с молоком и кофе чёрный.

– Вам только и надо, что затащить девушку в постель. Потом бросить и похвастаться перед друзьями. Это вы называете любовью, – продолжила разговор Наташа, словно не было этого долгого молчания.

– Не все же, – оправдался он.

Принесли кофе.

– А ты не такой? – она посмотрела на него.

Рома видел её доверчивые глаза и не смог обмануть их.

– Был. – Ответил он и отвёл глаза.

– Был? Когда же это было?

– До встречи с тобой.

Она ничего не ответила, пила кофе.

– Он тоже красиво говорил, – после молчания прошептала она и надолго замолчала. Рома понял, что с ней происходит, и не знал, что и говорить. Да и вряд ли она теперь станет его другом и доверит свои тайны, свою боль. Она словно прочитала его мысли.

– После этого было бы глупо предлагать мне дружбу.

– Я просто хотел помочь. Я слышал, ты собираешься в монастырь, а я хотел вернуть тебе радость жизни.

– Ты думаешь, это возможно?

– Я надеюсь на это. Не стоит ломать жизнь из-за одного подонка.

– А ты не думал о тех, кого ты обманул? Им, наверное, тоже нелегко. Почему ты им не хочешь помочь? – в её глазах блеснул прежний злой огонёк.

Рома пожалел, что сознался. Он дружил со многими, и многие делили с ним постель. Но расставались они тихо и мирно, хотя, если быть честным, иногда он хвалился перед друзьями своими похождениями. Но он не решился сказать ей об этом. Ещё подумает, что ищет себе оправдание. Она допила кофе.

– Спасибо за угощение, – и направилась к двери.

Рома боялся, что она сейчас уйдёт. Он нашёл официанта, рассчитался, не стал ждать сдачи и выскочил на улицу. Наташи не было. Он лихорадочно достал сигареты и закурил. Его бил озноб, хотя он не чувствовал холода. «Называется, помог, – ругал он себя, – теперь она точно возненавидит всех. И чёрт меня дёрнул за язык. Не такой уж я и грешник. Отбил

у человека веру в чистую любовь. А если бы я солгал? Да разве можно на обмане что-то построить, чего-то добиться?»

Он уже собирался направиться домой, как за спиной услышал её голос:

– Ты не проводишь меня?

– Конечно! – он обрадовался.

Но всю дорогу они молчали. Рома пытался заговорить, но столкнулся с прежней Наташей, молчаливой и замкнутой. Они подошли к общаге, и она протянула руку.

– До свидания. И спасибо за торт. Он был вкусным, а цветы просто великолепные.

– Мы ещё встретимся? – с надеждой спросил Роман, пожимая её ладошку.

– Если только случайно, – она впервые улыбнулась. И была очаровательна. Лицо её стало милым и добродушным, на щеках заиграли ямочки. Улыбка была такой мимолётной, но Рома успел очароваться ею. Ничего больше не сказав, Наташа зашла в общагу. Роман подавил в себе дикое желание догнать её, обнять за плечи и поцеловать.

Всю дорогу домой он мечтал об этом, хотя понимал, что это из области фантастики. Он потонул в своих мечтах и не слышал сигнала машины, скрежет тормозов. Только почувствовал удар и невыносимую боль и потерял сознание. Очнулся он в больнице. Над ним склонилась мать.

– Боже, как ты испугал меня. Молчи, молчи, тебе нельзя разговаривать. Всё будет хорошо. – Она украдкой смахнула слёзы. – Теперь всё будет хорошо.

– Да, – тихо ответил Рома.

– Ты поспи. Отдохни.

– Иди домой. Не волнуйся. – Рома чувствовал слабость и уснул.

Утром следующего дня он чувствовал себя немного лучше. Он отделался переломом руки и сотрясением мозга. После нескольких дней, проведённых в постели, он уже бродил по коридору, а в мыслях постоянно возвращался к Наташе, жалея, что потерял так много времени. «А может, это и к лучшему. Вряд ли я помогу Наташе. А я за это время, может, смогу забыть её. Разлука и время убивают любовь, хотя настоящую любовь убить никто не в состоянии. Мне не стоит думать о ней. Надо чем-то заняться. Пойду, поиграю в карты. Ну а тебе, Наташа, я говорю «прости», если разочаровал тебя и «прощай», – при этом он закусил губу, не чувствуя физической боли.

В последнее время Снегирев не появлялся, и Наташа поняла, что он решил отказаться от своей затеи, и поймала себя на мысли, что ей жалко этого.

– А где ваш друг? – спросила она у парней, которые пили чай и разговаривали. Все они удивлённо переглянулись.

– Он отказался от нашей дружбы, – ответил Сергей.

В последнее время он сожалел, что сказал тогда такие слова. Снегирев не появлялся и даже скрывался.

– Почему?

– В нём проснулось благородство. Надеюсь. – Ответил Ваня. Он не собирался вдаваться в подробности их ссоры.

Но этот ответ поняла только Наташа. Она просто улыбнулась и вновь принялась за вязание.

В больницу к Роману приходила только мать. Они жили вдвоём, а друзьям он просил не говорить.

– Ты стал каким-то грустным.

– Я влюбился, мама. – Честно признался он. И добавил с грустью: – Но мы такие разные.

– И ты бросился под машину? – испуганно спросила мать.

– Нет, что ты! – успокоил её Рома.

– Кто она?

– Наташа. – Сказал он так, словно речь шла о популярной певице или картине известного художника.

Мать ушла, успокоенная его состоянием здоровья и чуть встревоженная состоянием души. Дети для родителей всегда остаются детьми, сколько бы лет им не было. В палату заглянула медсестра.

– Снегирёв, спустись на первый этаж. К тебе пришли.

«Может, мать вернулась. Забыла что-нибудь», – думал он, спускаясь по лестнице.

В холле он окинул взглядом пёструю толпу, но не заметил никого знакомого. «Разыграли», – подумал он, собираясь уходить.

– Роман, – позвали его.

Он обернулся и не поверил своим глазам. В самом дальнем углу, около окна, стояла Наташа. Ноги у Романа вдруг стали ватными, во рту пересохло. Он подошёл.

– Привет.

– Привет, – она улыбнулась. Вновь мимолётная очаровательная улыбка озарила её лицо.

– Как ты узнала?

– Секрет. Как рука?

– Хорошо.

– Когда это случилось?

– После нашей встречи. Задумался и не заметил, как вышел на дорогу.

– О чём задумался?

– О тебе.

Она смутилась, села на лавочку. Рома был в растерянности от этой неожиданной встречи и не знал, что говорить. Где-то глубоко в душе он решил больше не встречаться с ней. И Наташа, видимо, его прекрасно понимала. После минутного молчания она встала и сказала:

– Я зашла на минутку, и мне надо идти. Просто хотела сказать тебе спасибо. Вот возьми на память. – Она протянула белоснежный шарф. – Будешь иногда вспоминать о спасённой душе. До свидания.

Она ушла, оставив шарф, грусть и чувство гнетущей пустоты.

Шёл первый долгожданный и всё же неожиданный снег, надевая деревьям сарафаны. Крупные хлопья величаво кружились в воздухе, падали на землю, скрывая осеннюю неприглядность. Роман в одиночестве гулял по парку. Только теперь он вдруг осознал, что и одиночество может быть заманчивым и даже необходимым. Знакомые теперь не узнавали его и даже шутили: «Сильное было сотрясение». Роман грустно улыбался. Что-то изменилось в нём, и он не знал, хорошо это или плохо. С Наташей он больше не встречался и даже не искал встреч, понимая, что от этого будет ещё хуже: ей – разочарование, ему – новый всплеск любви и боль. Он знал, что теперь она часто ходит на дискотеки и в кино, и реже – в церковь. Жизнь прекрасна, даже если сердце жжёт безответная любовь. Он зашел в кафетерий и вдруг увидел её. Она сидела за тем же самым столиком. Роман не смог преодолеть желания и подошел к ней.

Она увидела его, и глаза её заблестели влагой. Вздохнула:

– Как же долго я ждала тебя!

1994

Свеча на ветру

Прозвенел звонок, оповещая об окончании последнего урока. Учитель едва прочитал домашнее задание, как с «камчатки» сорвался Никита. Не оборачиваясь на окрики учителя, он выбежал из класса и, не сбавляя скорости, побежал по лестницам и коридорам к выходу. На это у него была своя причина: он хотел успеть встретить на выходе параллельный 10 «в» класс. И это ему удалось, даже пришлось подождать, когда учителя отпустят учеников и те начнут расходиться по домам.

На улице было самое прекрасное время: весна вступила в свои права. Осели и поселили сугробы, звонко «пела» капель, журчали ручьи. Воробьи шумно плескались в лужах, чирикали, прыгали по обнажённому асфальту. Жизнь пробуждалась от зимней спячки.

Наконец-то хлопнула входная дверь, и толпа учеников хлынула на улицу, радуясь тёплому дню и жмурясь на солнце. Расходиться особо не спешили – смеялись, обсуждали что-то, прощались. И шум стоял такой громкий, что птичьим стаям ох как было далеко до них. Никита стоял за берёзой и искал в толпе знакомое лицо. Он облегчённо вздохнул, увидев, что девушка в модной куртке махнула рукой подружкам и пошла по аллее парка. Он догнал её и взял портфель.

– Привет.

– Привет. – Она улыбнулась уголками губ.

Теперь они шли рядом и молчали. Это свидание не было похоже ни на одно из прежних. Они ждали: кто же первый из них начнёт этот разговор.

Никита и Таня дружили с самого детства. Вместе ходили в школу, убегали в кино и цирк. По вечерам они встречались во дворе, куда выводили прогуливать своих собак.

У них были общие интересы, и им никогда не было скучно друг с другом. Незаметно для них самих эта дружба переросла в любовь.

Это случилось перед началом нового учебного года. Таня два месяца отдыхала в деревне, у родственников, а Никита мотался в пыльном городе. А когда они после разлуки столкнулись в подъезде, то оба растерялись. Если раньше Никита не обращал внимания на её глаза, волосы, улыбку, то сейчас смотрел так, словно увидел её впервые. Она постригла свои длинные волосы, теперь они лежали небольшим полувесером на плечах. Длинная чёлка падала на глаза, и Таня убирала её изящным движением. Пропала подростковая неуклюжесть в фигуре и движениях. В карих глазах, впервые познавших волшебство косметики, теплился таинственный свет. Он притягивал к себе, и от него было невозможно оторваться. Пока Никита смотрел на неё, открывая её по-новому, Таня тоже успела его рассмотреть. Он тоже сильно изменился: окреп в плечах, возмужал и даже заметно подрос.

– Привет. – Таня мило улыбнулась, когда смущение прошло.

– Здравствуй, – тихо ответил он.

Они начали избегать друг друга, а когда случайно встречались, то смущались и большее время молчали. Пропала в их отношениях непринуждённость и лёгкость, взамен пришла скованность. Никита редко выходил на улицу. Часами лежал у себя в комнате и слушал музыку, думая о подруге детства. Ему хотелось, чтобы вернулось это беззаботное время, когда они были рядом. Но почему-то сейчас он не решался подойти к ней, просто заговорить. Она стала совсем незнакомой и неприступной. На уроках он стал рассеянным и вместо решения задач рисовал. Рисовал линии, сплетающиеся в фантастические абстрактные фигуры. «Наверное, современники тоже пишут картины в таком душевном состоянии». – Думал он.

Однажды его выгнали с урока, за что потом он был благодарен учителю. В раздевалке он увидел Таню. Рядом с ней стоял парень и держал её за руку, желая навязать разговор. Все попытки вырваться у Тани ни к чему не приводили. Никита подошел:

– Вот где ты. А я тебя ищу.

Парень сразу опустил руку Тани и отошел.

– Спасибо, – Таня потирала руку. – Ты уже домой?

– Да, а ты?

– Я тоже.

– Тогда пошли.

Осень была в самом разгаре. Они шли по старому городскому парку. Было тепло, и воздух был чистым и пряным. Хотелось им дышать больше и больше. Никита вспомнил, что они с Таней часто приходили в этот парк. Они брали в руки охапки разноцветной листвы и кидали друг в друга, громко смеялись.

– Наше детство прошло, – сказала Таня, словно прочитала его мысли.

Никита был счастлив. Счастлив оттого, что на дворе волшебная осень, что под ногами нежно шуршат листья, словно раскрывают секреты, что медленно бежит время, что рядом идёт Таня. Неожиданно сам для себя он прочитал две строчки стихотворения:

«Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса!»

Раньше он не замечал в себе влечение к поэзии. И Таня также странно посмотрела на него, мило улыбаясь:

– Это что-то новенькое. Ты сильно изменился, Ники, – она назвала его детским именем, и он был рад этому.

– Ты тоже изменилась.

Так они гуляли до самого вечера, совсем позабыв, что так и не пообедали, что гуляют в школьных формах. Вспоминали детство и смеялись над тем, что в детстве приводило к слёзам. Весёлое же вспоминали с грустью.

И снова они вместе ходили в школу, а по вечерам встречались во дворе. И пропали в их отношениях и скованность, и напряжение. Только Таня всё дольше стояла около зеркала, критически рассматривая себя. А Никита читал томики стихов, учил наизусть и где-нибудь в парке на скамье читал их вслух. Единственным слушателем была Татьяна. И это доставляло ему огромную радость.

Но ничего не вечно в мире этом. Даже если свеча не сгорает сама, ей помогают время и ветер. Вряд ли их любви грозило время: они были молоды и жизнерадостны, их души переполнялись новыми, ещё неизведанными чувствами. Этого заряда им бы хватило на всю жизнь, а может и на целую эпоху. Им помог ветер. Ветер, который не раздувает пламя, а губит его. Про их отношения узнали учителя. Они пытались что-то предпринять в школе, но их попытки не увенчались успехом, тогда школа подключила родителей. Мать Никиты была в шоке. Разговор с сыном она начала осторожно.

– Ники, в твоём возрасте надо думать больше об учёбе.

– О чём ты? – не понял он. – Я вроде бы неплохо учусь.

– Но не в полную силу. Сегодня для тебя главное – окончить школу, поступить в институт. Твёрдо встать на ноги.

– Сегодня? – Ники улыбнулся. – О чём ты, мама?

Мать начала терять терпение.

– Любовь подождёт, – твёрдо заявила она. Отошла к окну, стояла и смотрела на улицу.

– А, – протянул Никита и на короткое время задумался. – Ну. Это мне не мешает. Даже наоборот, я с удовольствием стал ходить в школу.

– Чтобы ходить в школу, не надо удовольствия. Это твоя обязанность. В общем, я запрещаю тебе встречаться с этой девчонкой.

– Мама! Мне скоро семнадцать, – Ники всё ещё говорил спокойно, с улыбкой, принимая это за игру.

– На Западе люди достигают зрелости в более поздний срок.

– Нам далеко до Запада.

Мать ничего не ответила, вышла из комнаты. Хотя и пыталась сдержать эмоции, но всё-таки дверью хлопнула. Никита просто пожал плечами. Он думал, что мать в курсе того, что он чаще стал пропускать уроки, и не более. И это скоро пройдет. Не может же она сердиться из-за пустяка. Он с нетерпением ждал вечера – они с Таней собирались сходить в кино. Но она не пришла, в первый раз не пришла. Ники ждал её, и когда сеанс уже начался, решил позвонить. Трубку снял её отец и не очень вежливо ответил, что Таня сегодня не придёт. Но и тогда Никита не понял, что разговор с матерью, несостоявшееся свидание не случайны. Он был просто счастлив. И пусть сегодня они не встретятся, но впереди ещё так много дней. Так думал Никита, возвращаясь домой, где ждали его хмурое лицо матери, равнодушные отца (он решил не вмешиваться) и скука. Он уже успел привыкнуть, что все вечера с ним рядом была Таня.

А в это время Таня разговаривала с родителями и еле сдерживала слёзы.

– Пойми же, доченька, – нежным голосом говорила мать, – он не для тебя. Посмотри в зеркало, ты у меня такая красивая, умная. Ты многого добьёшься в жизни

Таня слушала молча, хотя со многим была не согласна. А мать тем временем всё больше расходилась.

– Я знаю его родителей. Он – простой слесарь, она – обыкновенная швея. А в её годы пора бы быть и начальником.

– Не всем же быть начальниками, – несмело возражала Таня. Но мать не слушала её.

– Никита будет таким же, от него многого нечего ждать. Он тебе не пара, – сделала вывод она и замолчала в ожидании ответа, но Таня молчала.

– Почему ты молчишь? – вступился в разговор отец.

– А что я должна сказать? Что не буду встречаться с Ники? Вы же сами говорили, что врать нехорошо.

Ответ ошеломил родителей, и пока они находились в лёгком замешательстве, Таня закрылась в своей комнате. Упала на кровать и дала волю слезам. Она знала своих родителей: они ни за что на свете не уступят. Даже когда не бывают правы, они не признают это. «Почему, почему они поступают так? Ведь Ники очень хороший, честный и добрый. Я люблю его!»

А за окном пошёл дождь со снегом – не за горами была зима. Она всё чаще и чаще напоминала о себе. Таня проснулась рано, ей не спалось. Она долго сидела у себя в комнате, боясь встретиться с родителями и продолжить вчерашний разговор. В дверь постучала мать.

– Таня, проснись. Пора уже.

Тане ничего не оставалось, как открыть дверь. Мать долго смотрела ей в глаза и сказала:

– Он уже ждёт тебя.

– Кто? – невольно вырвалось у Тани.

– Никита.

Таня выглянула в окно: Ники ждал её на остановке.

– Сейчас я поговорю с ним, – заявил отец.

– Не надо, – испуганно проговорила Таня и опустила глаза, – я сама.

– Ты обещаешь?

– Да.

Родители, успокоенные её обещаниями, ушли на работу. А Таня медлила, ходила по квартире, неторопливо собиралась в школу. Она не спешила, словно хотела оттянуть время разговора. Обида захлестнула сердце. Таня медленно опустилась в кресло и заплакала. Она потеряла счет времени и очнулась, когда в дверь позвонили. Таня открыла дверь – на пороге стоял Никита.

– Привет!

– Привет.

– Ты что, заболела? – с тревогой спросил он

– Нет, – просто ответила она.

Никита почувствовал, что происходит что-то неладное

– Можно зайти?

– Заходи.

Пока Никита в прихожей раздевался, Таня прошла на кухню, поставила чайник на плиту. Следом зашёл Никита.

– Что-нибудь случилось, Танюха?

– Сейчас будем пить чай.

Ники понял, что она не хочет рассказывать о своих проблемах или просто тянет время. Он не стал торопить и подгонять её. Таня не спеша накрыла на стол: чай, варенье, бутерброды. Пили чай они в молчании. Он прокручивал в голове варианты плохого настроения, но ничего подходящего не мог найти.

– Хочешь, я расскажу тебе сон? – предложил он, надеясь разогнать тучи. Он рассказывал, на ходу сочиняя нелепые истории. Но самое большое, чего он добился – натянутая мимолётная улыбка. И он не выдержал:

– Танюха, что же всё-таки случилось?

– Нам придётся расстаться, – выдохнула она.

– Почему? – удивился Никита. – Тебе со мной плохо?

– Нет.

– У тебя появился другой?

– Да нет же.

– Тогда нас никто не сможет разлучить, – уверенно и облегченно заявил он.

– Мои родители узнали о нас.

– Мои тоже.

– Мои против

– Мои тоже, – ошеломлённо ответил Никита, поняв, какие силы теперь против их любви.

Таня встала, убрала со стола и начала мыть посуду.

Разве они смогут помешать? Нет! Если мы этого не захотим сами, то нам никто не сможет – помешать.

– Мои способны на всё. Ты их не знаешь. Тебе легче. Парни всегда чувствуют себя более свободными. Вы же гордитесь, если в ссоре с родителями. А я не могу. Я привыкла подчиняться. Я так воспитана.

– Ты уже взрослая и сама должна решить. Или ты без борьбы откажешься от нашей любви?

– Любви? – Таня удивилась: Никита ещё ни разу не говорил о любви.

Он подошёл и обнял её за плечи.

– Я люблю тебя. И я сделаю всё, чтобы сохранить тебя. Только ты помоги мне.

– Я не могу.

– Пойми, это не просто детская прихоть, которую родители могут запретить. Никто не имеет права вмешиваться в наши отношения.

Таня вновь заплакала и уткнулась ему в грудь.

– Не плачь, всё будет хорошо.

– Ой! Мы же в школу опоздаем, – сказала Таня, посмотрела на часы и засмеялась: уже давно шёл третий урок. В этот день они в школу не пошли, и это оказалось чуть ли не последней их встречей. Потом они только мельком виделись на переменах. По вечерам Таня не выходила из дома, а Ники убегал на улицу в надежде встретить её. День у него обычно начинался со скандалов.

– Ты вчера что-то поздно пришёл

Никита только вздыхал.

– Смотри, Ники, любовь – это не игрушка.

– Я тоже не маленький

– Да что ты понимаешь в жизни! У тебя ещё усы не растут. Тебе ещё в игрушки играть, а не девчонок зажимать.

– Мама! – Ники не выдержал и торопливо уходил в школу.

У Тани утро проходило почти так же.

– Таня, может тебе перейти в другую школу?

– Ну что ты, мама. Осталось полгода.

– Ну и что, – не отступала мать.

– Там новые люди, учителя. Это же трудно.

– Ничего, привыкнешь. Человек всегда привыкает к новой обстановке.

– Мама! Я же обещала, что с Ники всё покончено.

– А я не доверяю тебе. Сегодняшняя молодежь не внушает доверия. Принесёшь ещё в подоле.

– Мама! – Таня, не привыкшая получать от матери такие оскорбления, вскакивала из-за стола и убегала в школу, хотя времени до занятий было ещё много. Дом вдруг становился для неё тесным и душным.

Так прошла зима. И вот Никита подкараулил её в парке. Они молчали, никто не решался начать этот нелёгкий разговор.

– Значит, это всё серьёзно? – не выдержал Ники

– О чём ты?

– О том, что надо расстаться.

– Мы уже расстались, – грустно ответила Таня.

– Я не верю в это! Не хочу верить! Неужели мы так легко всё потеряли? Неужели наша любовь не была такой прекрасной, чтобы мы за неё не боролись? Это нечестно.

– Я устала, Ники, очень устала. От бессонных ночей, от своих мыслей. Я вздрагиваю, когда звонит телефон или кто-то звонит в дверь. Я боюсь, что ты можешь прийти и устроить скандал.

– Я с трудом сдерживаю это желание.

– Этим ты ничего не добьёшься.

– Но надо же что-то делать! Можно, в конце концов, встречаться тайно. Назло всем и вся!

– Нет. – Таня покачала головой. – Я устала от скандалов, упрёков и намёков.

– А давай уедем?

Таня удивлённо посмотрела на него.

– Ты сошёл с ума.

– Я? Да нет же. Уедем куда-нибудь на стройку. Я буду работать, ты учиться. И пусть нам сначала будет тяжело

– Это время давно прошло: комсомольские путёвки, большие стройки. – Таня вздохнула, – ты сумасшедший.

– Я люблю тебя! Я не хочу тебя терять!

– Это неизбежно.

Она ушла домой, и Ники понял, что это конец. Он попытался поцеловать её на прощанье, но она вырвалась, убежала. Ники заметил, что в её карих глазах блеснули слёзы. Он и сам готов был заплакать. И в душе рождалась злость: на учителей, на родителей, на самого себя, на Таню. Он шёл домой, и ему казалось, что даже прохожие смеются ему вслед, и он готов был на любого кинуться с кулаками. Мать заметила в его глазах этот испепеляющий огонь.

– Что-нибудь случилось, Ники?

Он ничего не ответил. Закрылся в ванной, включил душ, чтобы никто не слышал, как он плачет. И Таня тоже плакала, уткнувшись лицом в ладони. Рядом сидела мать, стараясь успокоить дочь.

– Ну что ты, Танечка, успокойся. Всё будет хорошо. Впереди целая жизнь. Будут и радости, и огорчения. Если каждую неприятность принимать близко к сердцу, то ничего в этой жизни не получится. Надо смотреть правде в глаза. Надо принимать действительность такой, какая она есть. Никита – не последний твой парень. Придёт к тебе большая, настоящая любовь.

Таня резко подняла голову и посмотрела на мать

– А если Ники – моя единственная любовь? И вы испортили мне всю жизнь! Я уеду, – она снова уткнулась в ладони.

– Это будет лучше, – согласилась мать.

Её увозил поезд. Она стояла около окна и отсутствующим взглядом смотрела на перрон. Дорога вела её в другой город, к родным. Так решили родители, и у Тани не хватило сил спорить. Взгляд её блуждал по толпе, не замечая родителей, которые махали ей руками и делали последние наставления. И вдруг она увидела Никиту. Он с большим трудом пробирался сквозь толпу. Он не знал, в каком она вагоне, и шёл вдоль состава, заглядывая в каждое окно. Нет, видно не суждено было ещё раз увидеть её глаза, услышать её голос. Всё ушло в прошлое. Таня видела его попытки отыскать её, но ничего не могла сделать. Поезд медленно тронулся и словно захватил с собой перрон с провожающими. Они тоже сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее шли рядом с вагонами. Но перрон кончился, а дорога протянулась до самого горизонта.

Вот и всё. Спустя годы я узнал от друзей, что Никита из армии не вернулся: остался на сверхсрочной службе. Может, просто не хотел вернуться в город, где всё так сильно напоминало о его первой любви. А Татьяна учится в институте. Счастлива ли она? Никто не знает. Ибо больше она никому не открывала своей души.

1994

Каждому своё

Был тёплый летний вечер. Легкий ветерок теребил изумрудные листочки деревьев в городском парке. В глубине его, куда не долетал шум городских дорог, было тихо и свежо. Капельку романтической грусти придавал соловей. Он спрятался где-то в листве и пел свою прекрасную песню то протяжно, то с переливами, то захлёбываясь. Вот ему уже не хватает воздуха, он прерывается на мгновение, а потом вновь начинает трель.

Коля сидел на траве, прислонившись спиной к берёзе, и наслаждался соловьиной песней. Сердце захлестнула лёгкая грусть. Ему вспомнились студенческие годы, весёлые и беззаботные, когда каждый день был полон приключений. Студенческие годы – самые яркие и счастливые в жизни. Впервые отрываешься от родительской опеки, чувствуешь себя частичкой огромного мира. Новые друзья, новые проблемы. Всё пугает тебя, и всё радует. И казалось, что рождённая в эти годы дружба продлится вечно. Но проходили дни, пролетали годы. И ведь переписывались сначала полгруппы: делились впечатлениями новой, большой жизни. Кто-то пошел учиться дальше, кто-то работать, кто-то уже женился. Разлетелись по стране, каждый пошёл своей дорогой. Заботы и дела всё больше отнимали время, и уже некогда было написать даже пару строчек. Жизнь гонит тебя, и ты вновь бежишь, торопишься, задыхаешься, а друзей вспоминаешь лишь в передышках.

Только вчера Коля ушел в отпуск и наконец-то вырвался из дома. Целый день он гуляет по парку, ест мороженое, пьёт лимонад, слушает трели соловья. Жаль, что праздник не может продолжаться вечно. Неизвестно откуда набежали тучи, стало пасмурно и прохладно, запахло грозой. Пора было уходить домой. Коля с неохотой поднялся и не спеша пошел по аллее. Перед ним шла молодая девушка. Она заметно хромала, её тросточка гулко стучала по асфальту. Коля не стал обгонять её, сбавил шаг. И вновь память унесла его в далёкие дни.

Он всегда относился к инвалидам с большой жалостью. Может, потому, что судьба свела его с таким человеком. Учился у них в группе парнишка, хромящий на левую ногу. Случай свёл их как-то близко, и Коля по-новому посмотрел на него. Петр был удивительной души человек. Он мог поддержать разговор на любую тему. Знал много прибауток и анекдотов на все случаи жизни и мог так удачно и вовремя вставить их в разговор, что даже старые, затёртые приобретали колорит. Он мог часами читать стихи, цитировать классиков и философов, о которых многие даже не слышали. Петя имел бы огромный успех у девочек, которые мечтают о рыцарстве, но он терялся, попадая в большие компании, становился ужасно молчаливым. Если бы не это, и если бы ему чуть больше везения, он бы обязательно нашел себе девчонку. Вспомнив Петю, Коля вдруг почувствовал себя виноватым. Он давно не писал другу, хотя дома лежали два Петиных письма. Они были написаны в шуточной форме, но между строк проглядывала грусть. Петя редко бывал грустным, всегда шутил и смеялся, но глаза... Коля только сейчас понял, что эта весёлость была показной.

Девушка почувствовала его присутствие за спиной. Она оглянулась на мгновение, но Коля успел заметить и её красоту, и затаённый страх в глазах чайного цвета.

– Давай, я помогу тебе, – Коля нагнал её и пошел рядом.

– Не надо, – она опустила глаза.

– Ты не бойся, я просто хочу помочь. – Коля посмотрел на небо, стараясь угадать, успеют ли они до дождя дойти до автобусной остановки. Девушка заметила это.

– Ты иди, а то не успеешь.

– Ничего.

– Промокнешь, заболеешь, – в её голосе зазвенели озорные нотки.

– Ты принесёшь мне в больницу мёд, я обмажусь, словно папуас, и излечусь, – поддерживал Коля её шуточный тон. Она улыбнулась, и улыбка её оказалась такой прекрасной, такой очаровательной, что Коля даже остановился. И тут хлынул дождь, сильный и тёплый. В одну минуту он намочил их с ног до головы. На асфальте появились лужи, а дождь не прекращался, и вода в лужах пузырилась, как будто кипела. Коля неожиданно для себя начал дурачиться: он снял кроссовки и шел босиком, прыгал в лужи, поднимая фонтаны брызг. Девушка весело смеялась, смех её был задорным, заразительным, и Коля тоже стал смеяться. Дождь несколько не испортил её внешности – наоборот, мокрое платье подчеркнуло точеную фигурку, стройные ножки. Черные волосы падали на плечи блестящей массой. Они не заметили, как прошли мимо автобусной остановки, как прохожие награждали их насмешливыми взглядами. Этот дождь, этот асфальт, этот город и целый мир принадлежали только им.

– Вот я и пришла, – сказала девушка и кивнула головой на обыкновенный, обшарпанный пятиэтажный дом.

– Этот дом не для тебя, принцесса! – неожиданно выпалил Коля.

Девушка засмеялась в который раз, но на этот раз в её смехе было больше грустных ноток.

– До свидания, – попрощалась она.

– До свидания.

Когда девушка ушла, Коля словно очнулся. Он обулся и пошел домой, чувствуя холод, хотя дождь к этому времени кончился, и выглянуло солнце. «Надо познакомить Петю с этой девчонкой, – подумалось ему. – Они подходят друг другу и будут, наверное, счастливы. Надо поехать к нему и вытащить в город на недельку».

Дома Колю ждала Наташа. Они дружили уже давно. Жениться, правда, пока не собирались, Наташа ещё училась в институте, но их будущее казалось уже решенным и ясным. Родители знали об этом и одобряли выбор. Вот и сейчас Наташа и Колина мать сидели в уютной комнате, пили чай.

– Привет, – поздоровался Коля.

– Боже, на кого ты похож! – всплеснула руками мать.

– На своих родителей, – отшутился Коля и пошел переодеваться.

– Иди пить чай с малиновым вареньем, а то простудишься, – крикнула вдогонку мать.

– Где ты был? Что, негде было спрятаться? – спрашивала Наташа.

– Я бегал по лужам босиком, – серьёзно заявил Коля. Он вышел к ним и тоже сел за стол.

Мать и Наташа переглянулись. «Почему эта девчонка засмеялась, даже смутилась, когда я назвал её принцессой? – думал между тем Коля. – Она, наверное, слышала такие комплименты миллионы раз, и они уже кажутся ей смешными. Мы, пацаны, все одинаковы. И ей, конечно, порядком надоело. Вот Петя сказал бы что-нибудь новенькое, оригинальное».

– О чём задумался? – прервала его размышления Наташа.

– Мне надо съездить в деревню, к другу.

– Надолго?

– Как получится.

– Меня возмёшь с собой?

Коля задумался на минуту, потом пожал плечами:

– Ну, если ты хочешь, то поехали. Только вряд ли тебе там понравится.

– А это мы посмотрим.

Они долго ехали на автобусе, потом шли пять километров до деревни. Наташа устала, часто останавливалась. Присаживалась отдохнуть, но тут же её облипали комары. Она отмахивалась веточкой.

- Ну и глухомань, – повторяла она.
- Разочарована?
- Надеюсь, там есть где вымыться и уснуть.
- Я тоже надеюсь.

Наконец-то они пришли. Деревня представляла собой два десятка старых домов. Это даже смутило Колю, ведь Петя никогда не рассказывал о ней. Бабушки, сидевшие на лавочке возле первого дома, когда Коля назвал Петину фамилию, объяснили, куда им идти, и долго, смотря им вслед, шептались

- Наверное, нас обсуждают, – усмехнулась Наташа.
- Это для них большое событие. Мы – редкие птицы, которые залетели сюда.
- Только слабоумные могут сюда залететь, – согласилась Наташа.

Они подошли к дому. Это была обыкновенная русская изба. На крыльце сидела женщина. «Может быть, единственная в деревне не пенсионного возраста», – подумалось Коле.

- Здравствуйте. Я друг Пети.
- Женщина подняла на них грустные глаза.
- Заходите, – и они вошли в дом.

- А Пети нет дома? – спросил Коля.

Женщина тяжело опустилась на стул, и слёзы хлынули из её глаз.

- Он погиб. Месяц назад.

– Погиб? – Коля медленно сел, стул жалобно скрипнул. В голове разом промчался вихрь мыслей, но не было ни одной ясной и чёткой. Всё смешалось: их встречи и приключения, их письма и мечты.

- Я хотела сообщить его друзьям, но не нашла адресов, – женщина уже не плакала.
- Как это случилось?

– Поехал в райцентр и попал под машину. Он словно чувствовал что-то – за день до этого сжёг все свои тетради. Одна только и осталась. – Женщина подошла к комоду и вытащила из ящика обыкновенную школьную тетрадку.

Коля осторожно взял: это всё, что осталось от Пети. На обложке было написано по латыни: «Suum cuique» – «каждому – своё», а в тетради – стихи. Пока Петина мать накрывала на стол, Коля читал стихи друга. В них была вся его жизнь. Сколько боли! Сколько безнадёжности! Ощущение тупика. Коля только сейчас понял, какая тяжелая была у Пети жизнь. А он даже не смог приехать к нему в гости. Да что там приехать, даже не ответил на последние письма! А Петя, наверное, ждал каждое утро, просыпаясь с надеждой, и каждый вечер эта надежда умирала. Это страшно. Ужасно чувствовать, что ты никому не нужен, что все забыли тебя, судьба забросила тебя в глухомань, где ты с каждым днём таешь и теряешь веру в жизнь.

- Давайте помянем его, – было видно, что мать держится из последних сил.

Коля и Наташа сели за стол. Женщина разлила водку. Наташа деликатно отказалась и красноречиво посмотрела на Колю, но он словно не заметил её взгляда и выпил, не почувствовав даже вкуса. Сердце ныло, и в душе была пустота.

- Где у вас кладбище?
- Да вон, через дорогу. Его могила в самом конце. – В глазах женщины снова блестели слёзы, она сунула Коле в руки початую бутылку, рюмку, закуску. – Налей ему тоже.

Коля, выйдя из дома, жадно закурил. Следом вышла Наташа.

- Ты на кладбище собираешься?
- Да.
- Я не пойду!
- Как хочешь.
- Ты обещал мне, что водку пить не будешь.

– У меня друг погиб, – ледяным голосом ответил Коля и сбежал с крыльца. Петину могилу он нашел быстро. «Двадцать два года. Начало пути. Боже, как несправедливо. Вся его жизнь была сплошным одиночеством. А ведь она, по сути, только начиналась».

Он окинул взглядом деревушку. Тишина. Только лягушки где-то устроили «концерт». Только кружит и кричит воронья. Только пищат комары. И больше ничего.

Вернулся Коля с кладбища уже поздно вечером. Наташа демонстративно молчала. «Обиделась, – подумал Коля. – Ладно, не впервые». Они поужинали в тягостной тишине, потом легли спать. Коля долго не засыпал – никак не мог привыкнуть к мысли, что его друга больше нет. Он вспомнил его стихи, и сердце от боли сжималось, а по щекам стекали слёзы. «Неужели Петя предчувствовал свою смерть? Может, он это сделал нарочно – под машину? Не зря же сжёг все свои дневники и даже адреса друзей. Мой тоже. А что я? Разве я был ему настоящим другом? Ведь я мог почувствовать, как он живёт, как страдает. А я прошел мимо, не заметил его боли. Вспомнил лишь тогда, когда повстречал ту девчонку. Она, наверное, живёт такой же жизнью. Страдает от насмешек. Проводит вечера в одиночестве. В её душе тоже мечты, которым не суждено сбыться. Вот почему она засмеялась тогда: ей показалось смешным услышать в свой адрес «принцесса». Но ведь она и правда красивая, и ей обязательно должно повезти. Она встретит того, кто полюбит её и сделает счастливой. Но, наверное, все парни, которые ей встречаются, думают так же. Только думают, и не шагу вперёд. Почему бы мне не сделать этот шаг? – от этой мысли ему стало жарко, и он сбросил одеяло. Он посмотрел на Наташу, которая спала на диване в другом конце комнаты. «У меня уже есть девчонка, хорошая девчонка. Но можно же быть просто другом. Иногда приходится к ней в гости, слушать музыку, смотреть кино. Приносить ей книги, цветы. Ведь можно же чаще оказывать внимание, а значит, давать капельку счастья. Дать ей понять, что она не одна в этом мире. Надо поговорить об этом с Наташей. Она должна понять. Должна!»

Утром они собрались в обратную дорогу. Как ни отказывались, Петина мать наложила им целую сумку гостинцев. И снова они шли лесом до автотрассы. Наташа несколько раз пыталась заговорить, но Коля угрюмо молчал, погруженный в свои невесёлые мысли.

– Знаешь, Наташа, – наконец-то он очнулся и вернулся к реальности. – У меня есть одна знакомая девочка.

– Да? – с вызовом перебила его Наташа.

– О Боже! Это не то, что ты думаешь! Она – просто знакомая.

– И давно вы знакомы?

– Три дня.

– Как её зовут?

– Это что, вопрос? – парировал Коля. Он и сам не знал её имени. – Понимаешь, она тоже инвалид, и я подумал: ей нужны друзья, как нужны были они и Пете. Давай вместе будем ходить к ней.

– Она молодая?

– Да.

– Красивая?

– Очень! – разозлился Коля. Опять эта глупая ревность, свойственная девчонкам. Им говоришь о серьёзных вещах, а они опять за своё: какие глаза, да какая фигура? Неужели все такие?

Всю оставшуюся дорогу они молчали. Наконец, дошли до остановки. Коля сел и закурил, а Наташа ходила взад-вперёд и ожидающе смотрела на дорогу. Коля знал: чем дольше длится молчание, тем сильнее будет ссора. Но сейчас ему ни с кем не хотелось говорить. Пустота в душе не проходила. Наташе удалось остановить машину с единственным свободным пассажирским местом. Она вопросительно посмотрела на Колю, но тот даже плечами не повёл. Наташа молча села, и машина тронулась с места. Коля встал и пошел в лес. Ему

никого не хотелось видеть, не хотелось слышать даже шум проезжающих машин. Он лёг на опушке и опять погрузился в тяжелые думы: о Пете, о себе, о Наташе и о той девчонке.

Лишь к вечеру он приехал в город, но сразу идти домой не хотелось. Наверняка, там сидит Наташа и жалуется матери на него. Сейчас начнут ругать, уговаривать и учить жить – короче, всё то, что каждый человек не любит, хотя это бывает полезно. Коля опять прогуливался по парку. Медленно наступала ночь, спадала жара, становилось легче дышать и совсем не хотелось покидать этот оазис, но Коля понимал, что дома начнут волноваться. Чего доброго, побегут в милицию.

Он не ошибся: Наташа с матерью сидели в зале и смотрели телевизор.

– Ты чего так долго? – спросила мать.

– Так получилось, – пожал плечами Коля.

– Почему ты отпустил Наташу одну, да ещё и на попутке? Ты что, не понимаешь, какое сейчас время?

– Она же не маленькая, сама должна думать.

– Мог бы её остановить, а ты даже не пытался. Плохо соображал, что ли после выпитого?

– Я просто помянул друга! – от матери нелегко было отвязаться.

– Да ещё девчонка какая-то.

– Просто знакомая

– Ты нагрубил Наташе, – не отставала мать. Коля почувствовал раздражение от этой перебранки.

– У меня друг погиб, а она с какими-то глупостями: красивая – некрасивая. И вообще, мама, мы сами разберёмся

– Да если бы не я, вы бы давно расстались!

– Может, и правильно бы сделали, – в сердцах буркнул Коля. В комнате повисла тишина. Потом Наташа вскочила и бросилась в прихожую, мать – за ней. А Коля прошел в спальню и закрыл дверь. Он слышал, как Наташа ушла, как мать что-то пыталась сказать ему через закрытую дверь, как потом они ужинали с отцом. Коля больше в этот вечер не выходил из комнаты.

Он несколько дней ни с кем не встречался. Гулял в одиночестве по городу, уходя на рассвете и возвращаясь поздно вечером. Он вдруг почувствовал себя счастливым, словно какой-то груз свалился с его плеч, и он обрёл свободу. Только сейчас он почувствовал, что отношения с Натальей его тяготили. Он устал от её подозрений, её контроля. Ему хотелось видеть в глазах любимого человека не только власть и волю, но и восхищение, доброту и любовь. Он искал встречи с той знакомой девчонкой. Целыми днями бродил по парку, но бесполезно. А как хотелось ещё раз увидеть эти глаза и улыбку, услышать радостный смех. Хотелось сделать для неё что-нибудь особенное, чтобы её глаза заблестели от изумления и счастья. Даже во сне он стал видеть её. Это были романтические, со сказочными концовками сновидения.

Отпуск близился к концу. Наташа больше не появлялась, и Коля не искал с ней встреч. Родители говорили с ним мало, сквозь зубы. Но Коля вопреки всему чувствовал себя счастливым.

Прошел дождь. Коля вышел подышать свежим воздухом в парке. Навстречу шла девушка с тросточкой. Платье на ней было мокрое, а в глазах блестели озорные огоньки. Коля с трудом верил своим глазам. Она ему улыбнулась, и в этой улыбке было что-то обещающее.

1994

Каникулы

– Ты редко приезжаешь домой, – мать суежилась возле стола, за которым сидел сын.

– В институте тяжело учиться, приходится много заниматься, – ответил Валера.

Мать лукаво посмотрела на него:

– Чем заниматься?

– Уроками, – Валера понял её и улыбнулся.

– Девчонку, наверное, нашёл. Вот и забыл о доме.

– Нет. Ты же знаешь: бегал я тут за одной, хотя и прошёл целый год, но всё равно вспоминаю о ней.

Мать невольно охнула и опустилась на стул. Валера удивлённо посмотрел на неё и вдруг понял, что что-то случилось.

– Она вышла замуж? – глухим голосом спросил он.

– Нет, – качнула она головой.

– Умерла? – страшный вопрос вылетел невольно.

Мать ничего не ответила. Раздался звонок, и она, обрадовавшись, что можно прервать этот тяжелый разговор, вышла из кухни. На короткое время Валера остался один. Он тупо смотрел в тарелку, а в голове мелькали страшные мысли. «Лена, Леночка! Что с тобой случилось? Неужели страшное и непоправимое?».

На кухню зашли мать и Валерина сестрёнка.

– Привет!

– Привет, – растеряно ответил он.

Галя была младше его всего на год, и они знали друг о друге абсолютно всё.

– Что случилось с Леной?

– Какой Леной? – Галя повела плечами.

– Моей Леной! – Валера чувствовал, как в груди закипает злость, понимая, что Галя просто разыгрывает его. Была у неё такая привычка: прикинуться простодушной.

– Она никогда не была твоей, – Галя улыбнулась.

Валера ощутил холодок в груди. Сестрёнка ударила в самое больное место. Лена не была его девчонкой. Валера безрезультатно добивался взаимной любви.

– Спасибо. Всё было вкусно, – Валера встал, решив отказаться от расспросов. Легче узнать о ней от друзей. Но когда он был уже в дверях, Галя бросила в спину:

– Она недавно сделала аборт!

Хорошо, что он стоял к ним спиной, поэтому они не видели, как он растерялся и покраснел. Ничего не сказав, чтобы голос ненароком не дрогнул. Он закрылся в ванной комнате и закурил.

«Вот, значит, что! А строила из себя недотрогу! Пай-девочку! Сама скромность, сама чистота!» чем больше он думал об этом, тем сильнее росла в нём злость и обида. «Даже целоваться не позволяла. А сама? Интересно, как же она теперь будет смотреть мне в глаза? И вообще, останется ли она в их компании? Олег и Вова не так воспитаны, чтобы терпеть общество таких девчонок. Честь и совесть! Да и Наташа с Олей – сама невинность!»

Валера вдруг почувствовал желание выпить и заглушить в себе так неожиданно нахлынувшие чувства. В дверь постучала Галя:

– Ты чего, решил искупаться?

– Да, – Валера включил воду. Меньше всего он хотел сейчас смотреть в глаза сестрёнке и матери. Он неожиданно для себя чувствовал себя виноватым.

Он с трудом дождался вечера и выскользнул из дома. Сразу же пошёл в парк, где они всегда проводили время. Северная сторона парка была старой и запущенной. Кроны дере-

вьев переплелись, бросая на разбитые аллеи сплошные тени. Но именно здесь, на старой, облезлой скамейке проводили время три парня и три девчонки. Слушали музыку, пели, смеялись и мечтали о будущем.

Именно сюда отправился Валера, но по пути заглянул в пивной бар. Желание выпить не проходило. Он выпил три кружки, но боль не покидало его. Наоборот, росла и крепла. На их возлюбленном месте он увидел своих друзей: Олег играл на гитаре, Володя, как всегда, «кидал» остроты. Девчонки плели венки из ромашек и смеялись. А лены не было. «Я так и знал» – подумал он и подошёл к ним.

– Привет!

– Валерик! Привет! Привет!

Все бросили свои занятия и окружили Валеру. Поцелуи, рукопожатия, возгласы восторга, расспросы. А когда улеглась радость встречи, все вновь уселись на скамейке, которая неожиданно закрипела.

– Совсем рассохлась старушка. – Валера окинул взглядом друзей. – А где Лена? Снова в больнице?

Парни засмеялись. Валера бросил взгляд на Олю. Они с Леной были очень хорошими подругами. Оля слегка побледнела и закусил губу. «Переживает подружка, хотя и не оправдывает. Значит, это правда». И добавил вслух:

– Мы – одна семья. Как говорить, в семье не без урода

Так продолжалось несколько дней. Валера старался реже бывать дома. Целыми днями бродил по городу, несколько раз бывал в школе, ходил в кино на дневные сеансы. А по вечерам ходил в парк, где с друзьями весело проводили время. Валера часто в разгар веселья шутил на счёт Лены, и Оля каждый раз бледнела и прятала взгляд, в глубине которого была неподдельная боль. А Валера старался не оставаться с ней наедине, боясь, что разговор сам по себе перейдёт на Лену. Но однажды они столкнулись на улице.

– Ты ждёшь меня? – Валера был прям.

– Да. Мне надо поговорить с тобой.

– Я ничего не хочу слышать о ней, – Валера вздохнул. Они шли рядом и несколько минут молчали.

– Ты же любил её! – Оля привела аргумент в пользу необходимости разговора.

– Что же от меня требуется? – Валера остановился и заглянул в её глаза.

– Ничего особенного. Во-первых. Прекрати свои шуточки и намёки.

– А во-вторых?

– Поговори с пацанами, пусть Лена вернётся в компанию. Она сейчас совсем одна и ей очень трудно. – Она опустила глаза и добавила тихо: – Она совсем одна.

– Почему я? Попроси Володю.

Оля ничего не сказала, пошла дальше по тротуару. Валера догнал её и пошел рядом.

– Он во всём подражает Олегу. Он – его кумир. А какой Олег, ты сам знаешь.

– А Наташа?

– Наталья не знает, что я по-прежнему дружна с Леной. И я не знаю, как она отреагирует. Ну, как? Они всегда прислушиваются к тебе.

– Мне надо поговорить с Леной.

– Зачем?

– Она сама хочет вернуться туда, где её все призируют?

Оля вздрогнула и вздохнула.

– Она ничего не знает. Это моя идея.

Они снова молчали и довольно долго.

– Давай забудем про этот разговор. Пусть всё остаётся по-старому. Только перестань шутить, я прошу тебя. Она не такая, какой ты себе её представляешь. Каждый совершает в жизни ошибки. И ты забудь про неё. – Оля отвернулась и зашла в подъезд. Валера успел заметить в уголках её красивых глаз слезинки.

Прошло ещё несколько дней. Теперь Валера избегал не только родных, но и друзей. Но, даже находясь в их компании, его не покидало чувство пустоты, и он не знал, чем заполнить вакуум.

Лена сидела в комнате и читала книгу. Был тёплый, ласковый вечер. В открытое окно заползала едва заметная прохлада, которая приятно шевелила занавески и ласкала лицо. Родители долго уговаривали её вместе сходить в кино, но Лена отказалась, сославшись на головную боль. Они ушли, и Лена осталась одна. Раздался звонок. Она открыла дверь и вздрогнула:

– Валера?

– Привет! – от него пахло спиртным.

– Привет, – тихо ответила она.

– Не пригласишь?

– Проходи, – она посторонилась. – Чай будешь?

– Нет, спасибо. – Валера зашел, и они прошли в её комнату, – читаешь? – Валера взял книгу. – О! Бердяев! От философии сходят с ума.

– Я не сойду. А ты, как я слышала, начать выпивать?

– Ольга информирует тебя?

– Просто к слову пришлось. Я, если честно, не ожидала от тебя такой глупости.

– Я разочаровался в людях, – он первый раз взглянул ей в глаза.

– Один человек – это не все люди, – тихо ответила она и отвела глаза, не выдержав его взгляда.

– Да, конечно. Но этот человек затмил весь мир.

Лена смутилась, слегка покраснела. В прихожей раздался голос.

– Это родители, – пояснила Лена

– Тебя не будут ругать?

– Нет.

В комнату заглянула женщина приятной наружности.

– Здравствуйте!

– Это Валера, а это моя мама.

– Очень приятно.

– Я уговариваю её сходить в кино, – неожиданно даже для себя сказал Валера.

– И что же?

– У меня болит голова, – сказала Лена. – А тебя уже ждут. Я провожу.

– Надеюсь, что завтра пройдет твоя мигрень. – Валера не твёрдой походкой направился к двери. И когда он уже вышел на площадку, Лена сказала:

– Зря ты это говорил. Она всё знает.

– Что знает?

– Что ты возненавидел меня.

Валера опустил голову, а потом резко поднял и взглянул в её глаза:

– Я люблю тебя, – сказал он быстро и сбежал с лестницы.

Он долго сидел за стойкой бара, медленно потягивал пиво и всё время думал о ней, вспоминая прошлое, её глаза, улыбки, походку.

«Я люблю тебя, люблю, – шептал он. – Неужели, чтобы понять это, мне надо было вновь увидеть тебя? Заглянуть в глаза? Каким же я был глупцом!»

Мать и Галя долго не ложились спать. Вот уже несколько дней они совсем не видели Валеру. Утром, когда они уходили, он ещё спал, а в комнате витал запах алкоголя. Это пугало и тревожило их. Они решили дождаться его. И наконец-то, далеко за полночь, он пришёл

– Вы не спите? – он удивлённый зашел на кухню.

Матери было достаточно одного взгляда, чтобы понять, в каком он состоянии.

– Ты пьян? – ужаснулась она.

– Я женюсь! – широко, по-глупому улыбнулся Валера и сел за стол. В комнате повисла тишина.

– На ком же? – прервала молчание Галя.

– На Леночке.

Мать тяжело вздохнула, хотя от этого не становилось легче.

– Я знала, что ты выкинешь что-нибудь в этом роде. – Хмуро сказала Галя.

Пиво до конца разбило Валеру. С каждой минутой он становился пьянее и пьянее. Он обхватил голову руками:

– Знаю, что вы не одобряете мой выбор. Будете ругать, и отговаривать, но ничего не поможет. Потому что я люблю её! Глаза! Удивительные глаза! Я бы прошёл мимо. Мимо. Боже мой, как страшно. Я бы потерял её навсегда. На-все-е-гда-а! – он плакал. Что он говорил дальше, нельзя было разобрать.

– Он просто пьян, – Галя улыбнулась, – сам не знает, что говорит.

Утром голова просто раскалывалась. Он старался вспомнить, как добрался до кровати, но не мог. Последнее, что помнил, как он заходил на кухню и что-то говорил о Лене. На душе было скверно. Мучило не только похмелье, но и стыд перед матерью и Галей. В комнату заглянула сестра:

– Ну. Как ты?

– Нормально.

– Ты вчера собрался жениться на Лене, – она усмехнулась.

Валера промолчал и отвернулся к стенке. Целый день он валялся на кровати и всё думал о ней. Лишь к вечеру головная боль улеглась, и он стал собираться на улицу. В прихожей его остановила мать:

– Ты куда, сынок?

– К Лене.

– К Лене? Значит, ты...

– Не надо, мама. Я люблю её, – он смотрел ей прямо в глаза.

– Сильно?

– Да, – тихо ответил он и вышел.

В подъезде её дома он остановился и закурил. Сомнения всё ещё грызли его. Он не знал, как правильно поступить, как разобраться до конца в своих чувствах. «Если она согласится быть со мной, то я буду счастлив. Это точно. А если нет? Буду ли я тогда страдать? Или облегчённо вздохну?» – так думал он и ещё больше запутывался.

Открыла дверь Лена.

– Ты? – она вновь была удивлена.

– Я, – ответил Валера, – и, между прочим, трезвый. Так что моё предложение сходить в кино остаётся в силе.

Лена смотрела ему в глаза, стараясь понять, смеётся он или говорит серьёзно.

И Валера вдруг увидел в её глазах безмерную грусть и боль. Он только сейчас заметил, как она сильно изменилась. В её прекрасных глазах не светились радостные, озорные огоньки.

– Я сейчас. Оденусь. – Она ушла. И даже походка стала другой. Пропала лёгкость, воздушность. Теперь в её движениях чувствовалась сдержанность и напряженность.

– Может, просто погуляем? – предложила она, когда они вышли на улицу.

– Можно и погулять, – согласился Валера, всё ещё находясь во власти своего открытия.

– Ты скоро уезжаешь?

– Скоро. Каникулы кончаются. Быстро пролетело время. Совсем его осталось мало.

– Для чего?

Валера ничего не успел ответить, им на встречу шли Олег и Наташа. Обе пары остановились и смотрели друг на друга.

– Привет! – Валера поздоровался.

– Привет, – без особой радости и даже растерянно ответили они

– Гуляем?

– А вы?

– Тоже. Решили сходить на набережную. Погода отличная. Скоро осень. Пора свадеб.

Когда же вы поженитесь?

– Не знаю, – Олег пожал плечами, – а ты?

– Всё зависит от Лены. Как она решит, так и будет, – Валера посмотрел на Лену.

А она вся вспыхнула, румянец залил всё лицо. Она резко обернулась и побежала. Её каблучки громко стучали по асфальту.

– Извините, – сказал Валера ошеломлённым друзьям и бросился вслед за Леной. Он догнал её, остановил. Заглянул в лицо и вздрогнул. По её лицу текли слёзы, смывая с ресниц тушь и оставляя тёмные разводы на щеках. «Боже мой, какой же я дурак». – Прошептал Валера и прижал рыдающую Лену к груди.

– Отпусти меня, – жалобно попросила она.

– Нет. Теперь я тебя никуда не отпущу. Я не хочу тебя терять. Я люблю тебя! Сильно люблю! Ты слышишь? Я тебя люблю!

И Лена перестала вырываться из его крепких объятий.

1994

Два брака

1.

Они стояли на мосту, который был перекинут через небольшую речку в центре города. Он был спокойным и задумчивым, медленно курил, стряхивая пепел в речку. Она нервничала, лицо её горело ярким румянцем.

– О, Боже, – часто повторяла она, – что же я наделала?

И в сотый раз открывала паспорт, где в графе «Семейное положение» стоял новенький яркий штамп: «Состоит в браке с Ломакиным Александром Александровичем». Но сколько раз она ни открывала документ, штамп не пропадал. Это не было ни сном, ни миражом – час назад они поженились.

– Что же ты молчишь? – она смотрела ему в глаза. Саша не выдержал её гневного взгляда. Отвёл глаза и смотрел на просыпающийся после зимы город.

– Ты винишь меня?

– А кто же виноват? – вопрос прозвучал резко.

– Это было обоюдное решение, – оправдывался Саша. – И некого винить за это.

– Но ты же видел, что я не в себе. Я переживала разрыв с Николаем, а ты воспользовался этим и потащил меня в ЗАГС.

– Не надо, Юля. – Перебил он её.

– Как же теперь будешь смотреть мне в глаза? А моим родителям? – она прижала ладони к щекам, которые горели уже огнём.

Саша достал новую сигарету и закурил. Он и сам толком не знал, как случилось это. Всё произошло неожиданно и удивительно быстро. Он бросил нежный взгляд на Юлю. Жили они в одном селе, правда, на разных его концах. Но постоянно встречались в школе, где учились в одном классе. Юля всегда нравилась Саше, и не только своей природной привлекательностью. Она была боевая, смелая, решительная. В классе была заводилой, любое дело горело у неё в руках. Саша же был полной её противоположностью, часто бывал один, любил тихие, неторопливые беседы. Он был самым обыкновенным троечником, и ему стоило больших усилий поступить в тот же институт, что и Юля, где он мог встречаться с ней не только на лекциях. Но и по вечерам, в общежитии, он никогда не признавался ей в любви. И вот даже сегодня, когда целовал её в ЗАГСе, почему-то не решился произнести эти три слова.

– Не переживай, – Саша обнял её за плечи, но Юля скинула его руку и бросила в лицо:

– Всё равно я не стану твоей женой. Не подходи ко мне больше. Никогда! Слышишь, никогда!

Она повернулась и пошла. Саша долгим и печальным взглядом проводил её. Ушла, и он вдруг почувствовал пустоту. Он понимал, что теперь между ними уже не будет той прежней лёгкой дружбы. И на лекциях не сядет рядом, и не примет больше его приглашений в кино и на танцы. Не будут вместе ездить домой. Что же остаётся?

При встречах – «привет», при расставаниях – «пока». Да, глубокая пропасть легла между ними, и через неё трудно будет перекинуть мосток.

Лишь вечером он вернулся в общагу. Домой не поехал (не хотел встречаться с Юлей). Он чувствовал себя виноватым и ждал больших неприятностей. В комнате был Толя, с которым они жили и дружили.

– Ты не уехал? – удивился он.

– Я раздумал, – хмуро ответил Саша и плюхнулся на койку.

Толя продолжил чтение книги, лишь иногда бросал на друга изучающие взгляды. Наконец, он не выдержал молчания, отбросил книгу и спросил:

– У тебя что-нибудь случилось?

– Я женился.

– Понимаю, – покачал головой Толя и рассмеялся, – вот тебе и новый анекдот.

Саша грустно усмехнулся

– И всё же? – Толя не унимался.

– Серьёзно. Я женился. – Саша сел на койке и посмотрел другу в глаза.

– Неужели? – без капли иронии спросил Толя, почувствовав, что другу совсем не до шуток. Он слушал его, не перебивая, а когда рассказ Саши был исчерпан, он вздохнул:

– Да! История! Знаешь, я тоже боюсь, что женюсь по глупости. Когда я встречаюсь с новой девчонкой, то уже через два дня готов ей предложить и сердце, и руку. Но проходят дни, и это безумное желание испаряется. Я тогда понимаю, что чуть-чуть не совершил большую глупость. Я, наверное, так и женюсь, и буду жалеть об этом всю жизнь.

– У нас всё наоборот.

– Вот именно. Это она совершила такую ошибку. А ты, ты-то любишь её?

Саша пожал плечами. Встал, подошел к окну и стал смотреть на ночной город.

– Наверное, люблю, – после молчания ответил он и, обернувшись, спросил: – Что такое любовь?

– А чёрт её знает. – Быстро ответил Толя, словно ждал этого вопроса.

– Вот и я не знаю.

– А может, её нет совсем. Всё это фантазии поэтов. Она только в кино и книгах, – он кивнул на книжную полку. – В жизни реальной её нет.

– А что есть?

– Ну, я не знаю, – развёл руками Толя, – привычка, расчёт. Влечение, инстинкт. Да, и, в конце концов – не писаное правило: жениться, родить детей. Как говорится, продолжение рода.

– К чёрту всю философию. Пойдём лучше сходим в пивную. Напьемся, увидим жизнь в другом ракурсе.

– Пошли, – согласился Толя, – надо же отметить твою женитьбу.

Он поймал взгляд Саши и улыбнулся:

– Хорошо, хорошо. Не будем больше об этом говорить, – и похлопал своего расстроенного друга по плечу.

Уже целую неделю Юля и Саша не разговаривали, даже старались не попадаться друг другу на глаза. На лекциях Саша с трудом сдерживал желание обернуться, найти её взглядом среди студентов и посмотреть ей в глаза.

Наступила суббота. Он поехал домой на автобусе последнего рейса. Так было меньше шансов встретиться с односельчанами. Дома был уже поздним вечером. Родители сидели за столом и ужинали. Саша по интонациям их голосов и по взглядам понял, что они уже всё знают. Он никогда не прятался от их гнева и сейчас сразу же сел за стол в ожидании скандала и нотаций. За столом несколько минут висела тишина.

– Ты бросаешь институт? – спросил отец. Этого вопроса Саша не ожидал и был даже удивлён.

– Зачем?

– Ну, как же, – отец развёл руками, – тебе надо теперь устраиваться на работу, чтобы прокормить семью.

Он сделал ударение на последнем слове. Саша вспыхнул, опустил голову. Молчал, гонял в стакане чайники.

– Что же ты наделал, сынок? – спросила мать. Голос её был добрым, но чуть-чуть дрожал.

– Не знаю. – Саша, и правда, ничего не знал.

– «Не знаю», – передразнил его отец и встал из-за стола. – Опозорил девчонку! Нас с матерью поставил в неловкое положение. Себя насмешил. Жених! – он ушёл. Немного погодя ушла и мать, не сказав ни слова.

Саша сидел один, всё так же тупо глядя в стакан с остывшим чаем. Он ожидал большого скандала, с криками, таблетками от сердца и может быть пощечиной. Было бы лучше, а сейчас... Боль стала ещё сильнее.

Уехал он на первом автобусе. Не хотелось ни с кем встречаться, словно он совершил преступление. Около общежития он столкнулся с Юлей.

– Привет.

– Привет, – Юля на этот раз не отвела взгляда и не поспешила уйти. – Ты из дома?

– Да.

– Об этой истории знают только твои и мои родители.

Саша ничего не ответил.

– А я подала на развод. – Юля не стала ждать ответа, ушла.

Саша был рад этому, потому что он не знал, что и ответить ей. Только с грустью подумал, что новый штамп в паспорте всё равно не вернёт прошлое. «Мы навсегда стали чужими». От этой мысли почему-то повлажнили глаза.

2.

Автобус был переполнен. Саша стоял около самого выхода и смотрел, как асфальт бежит под колёса, как за окном мелькают то поля, то берёзовые рощи. Он уже долго не был дома, и теперь природа вне города казалась ему необыкновенно красивой: листья уже распустились, закудрявились луга. Их тёплый, нежный, такой живой цвет радовал глаз.

Вдруг автобус три раза «чихнул», дёрнулся и остановился. Водитель выругался и вылез. Саша тоже вышел из автобуса покурить. За ним стали выходить и другие пассажиры. Кто покурить, кто вдохнуть свежего весеннего воздуха, кто просто размяться.

Саша с завистью посмотрел на просёлочную дорогу, которая уходила вдаль между берёзовыми посадками. Она вела в родное село, до которого было всего десять километров. У него созрело решение пойти домой пешком.

– Может, пойдём? – вдруг кто-то спросил его.

Саша от неожиданности вздрогнул и обернулся. Рядом стояла Юля.

– Пешком? – он кивнул на дорогу.

– Не расклеимся, – улыбнулась она.

– Пошли, – Саша с радостью согласился.

По дороге Юля что-то говорила. Но Саша слушал её в пол-уха. Прошло уже два года с тех пор, как они поженились и развелись. Хотя они и встречались почти каждый день, разговаривали, всё равно ощущалась постоянная напряженность, которую не сгладили эти годы. Юля сильно изменилась. Уже не было той лёгкости и беспечности, которые были присущи ей. Может, она просто повзрослела и окунулась в большую жизнь.

– Скоро окончим институт, и разбросает нас судьба по разным частям света, – долетел до него грустный голос Юли.

– Да, – подержал он её, – грустно. У нас такие хорошие ребята. Тихо! – Саша остановился.

– Что? – Юля стояла рядом с ним.

– Слышишь? – тихо спросил Саша. – Слышишь, как поёт соловей?

Юля заглянула в его глаза и увидела в них какой-то необыкновенный свет. Они долго стояли на дороге и смотрели друг на друга, слушая, как где-то в листве кудрявых берёз заливается соловей. Юля стояла так близко, что Саша не мог преодолеть искушение прикоснуться к её чуть приоткрытым влажным губам. Юля подалась ему на встречу. Поцелуй был долгим и страстным. Вдруг Юля вырвалась, опустила глаза, щеки её залил яркий румянец. Не глядя на него, она сказала:

– Не делай этого больше.

– Юля! – он шагнул к ней.

– Не надо! – вскрикнула она и вдруг побежала по дороге к селу.

Саша не мог с двумя чемоданами догнать её. Пришлось остаток пути идти в полном одиночестве. Она ждала его около села. Уже спокойная, с озорным блеском в глазах. Протянула руку за чемоданом.

– Спасибо.

– Не за что, – Саша смутился.

– Кстати, приходи завтра ко мне.

– Я? – удивился он.

– Да. Завтра приезжает Николай.

– Зачем? – вопрос вылетел как-то невольно.

– Свататься. Приходи. – Она повернулась и пошла.

«Зачем ты так?» – хотелось крикнуть ей в спину, но Саша промолчал. Вспомнил, что в последнее время он видел Юлю и Николая вместе. Всё вернулось на круги своя. И в душе его родилась злость.

«А что если завтра встретить его на остановке и набить морду? Ведь она же моя, моя, я люблю её», – в сердцах подумал Саша, хотя с Юлей они никогда не были вместе.

Совсем не хотелось идти домой. Опять было чувство виноватости и потери. Хотелось просто заплакать, как в детстве – навзрыд.

А вечером он попал на вечеринку, где впервые выпил слишком много. Голова кружилась, его качало. А на сердце были боль и злость, к которым прибавились ещё и решительность, и безумие. Он не очень твёрдым шагом направился на другой конец села, где жила Юля.

Любовь толкает человека либо на подвиг, либо на безумные поступки. Саша подогрел любовь ещё и алкоголем.

В комнате Юли горел свет. Саша подошёл к окну и заглянул в комнату. Юля сидела в кресле и вязала. Саша долго любовался ею. Потом постучал. Юля вздрогнула, встала и распахнула окно.

– Ты? – удивилась она.

– Где твой Николай?

– Ты пьян? – ещё больше удивилась она.

– Почему ему должно достаться всё?

– Что всё? – спросила Юля, ничего не понимая.

Саша не слушал её, продолжая говорить.

– Ты не забыла, что я был твоим мужем? Забыла? Посмотри в паспорт! А я даже не прикоснулся к тебе. Тебе не кажется, что брачная ночь должна принадлежать мне?

– Саша! – вскрикнула Юля.

Этот крик на какое-то мгновение отрезвил Сашу. Он резко повернулся и побрёл обратно. Юля не пыталась остановить его. Он быстро шел по дороге, но вскоре силы вновь покинули его, он опустился на чью-то лавочку, уткнулся лицом в руки и заплакал.

Утром он проснулся с головной болью и угрызением совести. В душе была пустота, под ложечкой неприятно подсасывало. Ему казалось, что все знают о вчерашнем. И он, сославшись на подготовку к экзаменам, уехал обратно в город.

Лекции, дипломная работа, экзамены, выпускной вечер – время так быстро пролетело. Они всегда находились рядом, но старались не встречаться даже взглядами. А если это происходило, то оба торопливо отводили глаза.

3.

Сразу после института Сашу забрали в армию. Он хотел пригласить Юлю на проводы, но её не было в селе – она уехала куда-то отдыхать.

Привык к армейской жизни он быстро. В душе улеглась вьюга. Повседневные занятия, усталость как-то оттеснили Юлю на второй план. И он стал постепенно забывать её. Видя, как его новые друзья ждут писем от девчат, расстраиваются, страдают, даже был немного рад, что у него всё решилось на гражданке. Его никто не ждёт. И никакие сомнения не терзали его.

Но неожиданно на седьмом месяце службы пришло письмо от Толи. Сперва это было самое обыкновенное письмо: новости гражданской жизни, проблемы трудовой деятельности, расспросы, пожелания. А в конце всего в нескольких строчках, новость, которая потрясла Сашу: «Встретился случайно с Николаем. Хотел узнать о Юле, но поверг его в шок. Он утверждает, что она вышла замуж за тебя!!! Неужели это правда? И ты не пригласил меня на свою вторую свадьбу?».

Саша несколько раз перечитывал эти строчки и никак не мог понять: правда ли это или его друг решил посмеяться? Первым его желанием было написать Юле письмо. Но Саша никогда не подчинялся первому порыву. Они, как обычно, горячие и внезапные. Он так и не решился написать ей, так же как и расспросить родителей о ней.

Вскоре ему дали отпуск, и он поехал домой. Родители от радости заплакали, а потом началась суeta и разговоры. Отца интересовали в основном техника и учения, мать больше расспрашивала на бытовые темы. Саша улыбался, отвечал на все их вопросы. И только к вечеру он вырвался на улицу. В клуб не пошел, хотя там была вся молодёжь села. Он просто бродил по улицам, узнавая и не узнавая их. Всё меняется каждое мгновение, а здесь прошел уже год.

Сам того не замечая, Саша шел к Юлиному дому. Очнулся лишь тогда, когда увидел, что в её комнате света нет. «Зачем я здесь?» – мелькнуло у него в голове. Не найдя ответа, он закурил и задумчиво смотрел в тёмные окна. И уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг услышал оклик:

– Саша?

Он вздрогнул, услышав этот нежный, и милый для сердца голос, и обернулся

– Привет.

– Привет! – она стояла перед ним, красивая и желанная. – Ты в отпуск?

– Да.

– Надолго?

– Месяц.

– Как служба?

– Нормально. А как ты?

– Хорошо.

Перекинувшись общими фразами, они замолчали. Саша вновь достал сигарету, но не прикурил, вертя её в руке. Ругал себя за нерешительность.

- Замуж вышла? – приходилось дальше вести разговор в том же русле.
- Никто не берёт.
- Да ладно тебе.
- Серьёзно, – Юля почему-то грустно улыбнулась.
- А Николай?
- Он звал.
- Почему же?

Юля вздохнула и подошла к нему так близко, что почувствовала его дыхание на своих щеках.

- Помнишь девятое апреля?
- Да, – он смотрел ей прямо в глаза, ещё до конца не веря в то, что должно произойти.
- Тогда мы с тобой расписались.
- Я люблю тебя, – тихо сказал он. И в следующий миг он уже крепко обнимал её, осыпая горячими поцелуями.
- Я думала, ты никогда не скажешь это, – тихо прошептала Юля.

Через месяц, который пролетел как лёгкий сон, Юля провожала Сашу в армию. В город они приехали рано, чтобы побродить вдвоём по улицам, где прошла их юность.

- Ты счастлива?
- Да, – она уткнулась ему в плечо. – Я снова замужем за Ломакиным А. А. Но, в отличие от первого раза, я счастлива.
- Да уж. Первый раз ты плакала вон на том мосту, – он махнул рукой.
- Ты помнишь всё?
- Да. Абсолютно всё. Надеюсь, что второй брак будет намного длиннее, чем первый. Правда? – он спросил серьёзно, без всякого намёка на шутку.
- На всю жизнь, – горячо прошептала она и после короткой паузы добавила уверенно, – на всю жизнь.

1994

След дождя

Сергей сидел в мягком кресле, пил баночное пиво и пускал к потолку табачные кольца. Окидывал взглядом комнату, словно был здесь первый раз. А здесь, как всегда, царил беспорядок: на столе, диване и даже на полу были разбросаны фотографии. Здесь жил Витя, его лучший друг, помешанный на фотоделе. За этим занятием он проводил всё свое свободное время. А его было у него предостаточно в связи с безработицей.

– У тебя что-нибудь случилось, Иваникос? – он всегда звал Сергея по фамилии, переделав её на иностранный лад.

– Нет. У меня всё в порядке, – ответил угрюмо Сергей. Витя только пожал плечами. Он хорошо знал Сергея: когда ему будет совсем плохо, он расскажет сам.

– Кстати, хотел показать тебе одну фотографию. – Витя вскочил с дивана и стал рыться в шкафу.

Сергей смотрел на его суету и мысленно улыбался. Витя никогда не знал покоя, постоянно был чем-нибудь занят. Со стороны казалось, что он всегда спешит, и это было почти так. Шкаф был забит снимками, Витя копался в них и что-то бормотал себе под нос.

– Я жду, – громко сказал Сергей, ожидая казуса. И он не ошибся. Когда Витя особенно спешил, то у него ничего не получалось. Сергей знал это и иногда подшучивал над другом. Вот и сейчас Витя сделал неловкое движение, и фотографии водопадом свалились ему под ноги. Он в растерянности смотрел на них, а Сергей весело рассмеялся – плохое настроение как рукой сняло.

– Наконец-то, нашел, – Витя осторожно, что бы ни наступить на фото, подошел к Сергею и протянул снимок. Это был портрет молодой и очень симпатичной девчонки. Желтые волосы, голубые, даже чуть зеленоватые глаза в бахrome пушистых ресниц, курносый нос, маленькие бледноватые губы.

– Кто это?

– Обрати внимание на качество. Это же идеальное фото. В этом деле главное что?

– Что? – непроизвольно спросил Сергей.

– Постановка света! А здесь она – высший класс. Художественная реликвия. Этот фотограф – мастер своего дела.

Он ещё что-то объяснял, сыпал терминами, но Сергей его не слушал. Он был очарован незнакомкой. По натуре Сергей был очень влюбчивым. Ему нравились все девчонки, попадавшие в его поле зрения. Но это состояние, как обычно, проходило так же быстро, как и рождалось. И Сергей сейчас почувствовал в душе знакомое волнение.

– Кто это? – он оторвал взгляд от фото и посмотрел на друга.

– О! Иваношвили! Знакомый блеск в твоих глазах. Снова вижу тебя прежним. Но мне придётся тебя огорчить. Я нашёл эту фотографию.

– Жаль! – вздохнул Сергей, вновь глядя на незнакомку.

– Если внимательно приглядеться, то можно заметить, что черты лица у неё не идеальны. Я бы не назвал её красивой. До Голливуда ей далеко.

– Софи Лорен я бы тоже не назвал красавицей.

– Не спорю. Я в этих делах дилетант. Это ты у нас Казанова.

Сергей перевернул фото и прочитал надпись на обороте – «С. Родимова. 10 класс. Школа №849».

– Вот тебе и зацепка. Кстати, имя тоже на «С». Может, София?

– Дашь мне фото?

– Бери. Ищи.

– Спасибо.

- Только позвони мне, когда одержишь очередную победу. Ладно?
- Ол райт!

Сергей Иванов был из интеллигентной семьи. Единственный сын и внук двух бабушек и дедушек, он рос избалованным ребёнком. У него было всё, что он хотел. В его большой отдельной комнате многое напоминало о беззаботном детстве: коллекции значков и марок, копии автомобилей, большая библиотека. Ко всему добавились аудио и видео аппаратура. А если заглянуть в семейный фотоальбом, то Сергея можно увидеть во многих городах: Ленинград и Волгоград, Сочи и Анапа, Евпатория и Нальчик и даже Берлин, София, Прага. Учился он в школе с уклоном английского языка. Учёба давалась легко, хотя школу он окончил без медали, к огорчению родителей. После школы стоял большой вопрос о дальнейшем обучении. Отец и его родители хотели, чтобы он пошёл по их стопам, то есть стал физиком. Мать его мечтала видеть в качестве врача. Иногда они собирались большой дружной семьёй на даче, где и решалось Сережино будущее. Это ему не нравилось, никто не спрашивал его мыслей. Он заявил:

- Иду в юридический.

Ссоры улеглись, настало затишье. Никто не выразил согласия, но также не противился. Теперь он учился в университете и мечтал о карьере адвоката.

Девушка с фотографии не давала ему покоя. Целый день он ловил себя на том, что снова думает о ней. «Где находится эта школа? В каком краю миллионного города? Да и номер кажется знакомым, где-то я его слышал. Но где? Когда?». Даже вечером он не мог отвлечься от этих мыслей. Они играли с отцом в шахматы, мать отгадывала кроссворд. Отец в очередной раз выиграл партию и с довольной улыбкой откинулся на спинку кресла.

- Что-то ты сегодня рассеянный?
- Не мой день. – Сергей смешал фигуры.
- Как дела в университете?
- Всё Ок.

От дальнейших вопросов его спасла мать своим очередным вопросом:

- Римский император, шесть букв, на «А» начинается.
- Адриан. – Ответил Сергей.

– Подходит, – обрадовалась мать и после паузы сказала: – Что-то Ирина к нам давно не приходит.

Ирина Петровна была другом их семьи. Она часто приходила к ним в гости, и они весело проводили время. В основном играли в «подкидного дурака». Все старались оставить Сергея в «дураках», и когда это удавалось, Ирина Петровна смеялась и подшучивала над ним.

«Ирина Петровна, – мелькнуло у Сергея в голове. – Она же работает директором школы. И не какой-нибудь, а школы №849»

- Мам, Ирина Петровна в какой школе работает?
- В 849-й.

Сергей не смог удержаться и улыбнулся.

- Так, хорошо, – он готов был закричать от радости.
- А в чём дело? – поинтересовался отец.
- Мне необходимо порыться в архиве этой школы.

Отец удивлённо посмотрел на сына:

- Зачем?

Сергей не привык обманывать родителей, но сейчас говорить правду совсем не хотелось

– Нужно найти следы одного человека.

– Твоё дело сейчас хорошо учиться, – отец любил напомнить об этом.

– Именно для этого он мне и нужен, – отпаривал Сергей, слегка краснея.

Перед сном он долго смотрел на фото. Какая-то неведомая сила таилась в этих голубых глазах.

– Я всё равно найду тебя.

Ирина Петровна в свои сорок лет выглядела молодо и энергично. Своих детей у неё не было, и всю свою любовь она разделила на учеников и детей знакомых. Большая часть, конечно, доставалась сыну лучшей подруги – Сереже. По существу, она была ему второй матерью.

Сейчас она сидела в кабинете и собиралась на очередной урок, прокручивая сценарий. В дверь постучали.

– Войдите, – разрешила она, и в кабинет вошёл Сергей. – О, Серёженька, – она вышла к нему навстречу и по-матерински обняла.

– Здравствуйте, Ирина Петровна. Вот решил зайти к вам, узнать о ваших делах.

– Всё идёт относительно нормально.

– Что-то вы давно не приходили к нам.

– Зайду на днях.

Сергей откашлялся – официальная часть встречи закончилась, пора было приступить к основной цели своего прихода.

– Ирина Петровна, у меня к вам дело.

– Слушаю тебя, Сережа.

– Мне необходимо покопаться в архиве вашей школы.

Ирина Петровна лукаво сощурила глаза. В отличие от его родителей она считала, что каждый имеет право на свой секрет.

– Надеюсь, ничего криминального? – спросила она.

– Шерше ля фам, – с едва натянутой улыбкой ответил Сергей, зная, что это останется между ними.

– Что ж, я помогу тебе.

Сергей копался в пыльных бумагах совсем недолго. Скоро он наткнулся на знакомое лицо и через несколько минут многое узнал о Свете Родимовой. Именно так звали эту красивую девчонку.

«Ничего в ней необычного нет. Обычная составная серой толпы троечников. Но разве могут эти бумаги отразить всю полноту её внутреннего мира? Чем она живёт, чем дышит? Как мне хочется приподнять занавес».

У Ирины Петровны был урок, и Сергей не стал дожидаться его окончания. Сейчас ему больше всего хотелось увидеть Виктора, поразить его своей находчивостью.

– Привет, Иванссон! У тебя счастливое лицо. В чём дело?

– Я почти нашёл её.

– Кого? – не понял Витя. Для него это была просто фотография с хорошим качеством. Сергей и показал ему это фото.

– А, понятно. Быстро ты, однако, работаешь. У тебя что, связи на Петровке?

– На Лубянке, – отшутился Сергей. – Только чувствует моё сердце, что её нелегко завоевать. И я разработал план.

Витя сразу же отмахнулся.

– С твоими планами недалеко до решётки, я в них больше не участвую.

– Витёк, прошу тебя. В последний раз.

Витя внимательно посмотрел другу в глаза и понял, что это действительно серьёзно.

– Это серьёзно?

– Yes!

– Хорошо, Иванян.

– План довольно прост. Мы его уже не раз проворачивали. Она идёт, ты нападаешь, а я её спасаю.

– Что не делаешь ради друга, – согласился Витя.

Сергей провожал Свету домой. Но никак не мог начать разговор, простой и непринуждённый. Впервые в жизни он почему-то растерялся перед девушкой. Только изредка они перекидывались словами. С каждой минутой он чувствовал, что поглощается всё больше и больше неведомой пучиной. Света в жизни была ещё симпатичней. В ней была какая-то изюминка, сила, которая влекла и заманивала Сергея. Не покидала мысль, что в конце этой театральной драки с Витей он перестарался и последний удар получился настоящим. Наконец-то он откинул эту мысль. Пора было говорить о более важном. Он лихорадочно искал повод. И вскоре повод подвернулся.

– Стало опасно ходить по улицам, – вздохнула Света.

– Разреши, я буду твоим ангелом-хранителем, – предложил Сергей.

Света посмотрела на него и улыбнулась. Улыбка была столь привлекательной, что хотелось снова и снова смотреть на неё. Она ничего не ответила, и после этой неудачной попытки замолчал и Сергей. Все его надежды медленно, но верно таяли.

– Вот я и пришла, – сказала девушка.

Могла бы и не говорить. Сергей уже знал, где она живёт, он даже несколько дней наблюдал за ней.

– Что ж, до свидания, – Сергей задержал её ладонь в своей. Света как-то виновато улыбнулась и поразила Сергея:

– А ты извинись перед другом, кажется, ты перестарался.

Сергей растерялся, но быстро взял себя в руки:

– Я попрошу.

– До свидания.

– До свидания.

Она ушла, и Сергей почувствовал пустоту не только вокруг себя, но и в себе. Он закурил, но и это не помогло.

Витя не спал, он ждал, как было оговорено, звонка от Сергея. Но Сергей не позвонил, а пришёл. Сразу же увидел, что глаз у Вити заметно опух.

– Извини, – он похлопал друга по плечу.

– Да ладно тебе, Иванидзе, ничего страшного. Лучше расскажи, как у тебя дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.